

Иван Поляков

Донские казаки

в борьбе с большевиками

Иван Поляков

**Донские казаки в
борьбе с большевиками**

«Алисторус»

2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Поляков И. А.

Донские казаки в борьбе с большевиками / И. А. Поляков —
«Алисторус», 2007

ISBN 978-5-9265-0372-9

В 2008 году исполняется 90 лет со дня начала геноцида казачества. В 1918 г., по инициативе Якова Свердлова, коммунистический режим приступил к реализации планов т. н. «расказачивания», вызвавшего восстание донских казаков против Советской власти. В этой борьбе казачество понесло неисчислимые жертвы. О том, как донские казаки боролись против красного террора, книга генерал-майора И.А. Полякова, начальника штаба Донских армий, непосредственного участника трагических событий на Дону в годы Гражданской войны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-9265-0372-9

© Поляков И. А., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

Предисловие	6
источники	10
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иван Поляков
Донские казаки в борьбе с большевиками

© Поляков И.А., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Предисловие

Описание гражданской смуты в России уже теперь составляет целые объемистые тома; исследованием ее причин и явлений продолжают интересоваться и поныне, а в будущем – возможно появление еще новых трудов.

Как известно, главное внимание уделено юго-востоку России, где разыгрались наиболее важные события, как по времени возникновения, так и по силе напряжения, где зародилась и обновилась Добровольческая Армия – как ядро предполагавшейся будущей Российской армии, где сталкивались местные жизненные интересы казачества с непониманием их ответственными вождями Добровольческого движения, где тесно переплетались, так называемые ориентации «Германская», «Союзническая» и «Русская», где, наконец, чрезвычайно ярко выявились вопросы честолюбия и соревнования и где личные счеты и упорная непримиримость высших руководителей временами принимали столь уродливую форму, что они готовы были мириться с провалом всего дела, чем согласиться с правотой другой стороны.

Следует признать, что, несмотря на условия беженского существования, за последние годы в историю Белого Движения сделан весьма ценный вклад, в виде обширной литературы, с достаточной полнотой охватывающей период 1917–1920 годов. Между прочим, увидели свет капитальный труд ген. Деникина «Очерки Русской Смуты» и «Донская Летопись» – издание Донской исторической комиссии, в которой, надо сказать, блестящая деятельность Донского Атамана ген. П. Н. Краснова изображена словно в кривом зеркале.

Все это, я думаю, те малые камни, из которых будущий Карамзин дополнит историю Государства Российского, на основании подробного и всестороннего изучения сырого материала, и, руководясь исключительно логикой и рассудком, станет складывать фундаментальное историческое здание и скажет свое правдивое, беспристрастное слово, оттенив все явления и причины, совокупность коих и привела к краху Белого Движения на полях сражений.

Только когда уйдут из жизни современники, когда утихнут личные страсти, исчезнет тщеславие и честолюбие, когда историку станут доступны огромные архивы – тогда только будет найдена подлинная правда и народ узнает сокровенный смысл всех событий.

Такая задача современникам, конечно, не по силам. Их главная заслуга перед историей состоит в том, чтобы дать наибольшее количество сведений и фактов из виденного и пережитого ими, подкрепив таковые, по возможности, точными документами, и этим облегчить историку отыскание правды в его будущей работе.

Достигнуть современникам исторической справедливости, как людям, находящимся под непосредственным впечатлением пережитого, полагаю, будет занятием непосильным. Совершенно произвольно, за счет исторической объективности, ими будет вводиться коэффициент не только субъективности, но и невольного расположения или преднамеренной предвзятости к тем или иным событиям и явлениям, в которых авторы, зачастую сами принимали деятельное участие.

Таковыми недостатками, несмотря на свою солидность, к сожалению, страдает труд ген. Деникина¹ в той части, где автор касается Дона и донских событий. Умышленно или, быть может, ошибочно, по недостатку нужных документов, основываясь лишь на памяти и рассказах лиц, облеченных его доверием, ген. Деникин неоднократно грешит против истины, оценивая события не столько разумом, сколько сердцем и временами выставляя даже общеизвестные факты не в том виде, как они в действительности имели место.

То же самое, но в большей степени можно сказать и о «Донской Летописи», сотрудничать в которой автор настоящих «Воспоминаний» получал повторные предложения и со стороны

¹ Очерки Русской Смуты.

Донской исторической комиссии и Донского Атамана. Однако состав названной комиссии заранее предопределял характер однобокости и тенденциозности будущего труда, что удержало автора дать свое согласие, и в этом он не раскаялся.

В описании названной комиссии донские события 1918 года (Донская Летопись, том III) вышли, прежде всего, довольно куцыми, главное скомкано; второстепенному и не имеющему исторического значения отведено несоответствующее место, временами страдает и фактическая сторона изложения, не подкрепленная к тому же никакими документами; нередко встречаются противоречия и, в конечном результате, далеко не обрисована даже часть той огромной картины, которая тогда развернулась на Дону.

А между тем, именно этот период исторически наиболее важен, так как в это время казачество постепенно просыпалось от большевистского угара, сбрасывая с себя коммунистический налет. По Донской земле шел сполох и Донцы местами дружно поднимались, создавая отдельные очаги восстания, всюду кипела организационная работа, на развалинах и пепле шло огромное новое строительство, совершенно в необычных условиях и в особой обстановке формировались народные Донские Армии; успехи Донского оружия неслись далеко за пределы Донской земли, тревожа сильно Москву и побуждая советскую власть к крайним мерам, дабы задушить Дон и не допустить, чтобы патриотический пожар, начавшийся здесь, перебрался в Центральную Россию; мало-помалу восстанавливались государственность и административный аппарат, наступило трогательное слияние и полное единение казачьей массы с его руководящей интеллигенцией, пока последняя сама не оттолкнула эту массу своей безответственной болтовней, игрой в политику, преследованием под флагом общего дела личных интересов, интригами и демагогией, и, наконец, несмотря на это, тогда же казачество дало небывалый для народа максимум напряжения.

Тогда же под крылышко Дона вернулась из тяжелого похода Добровольческая Армия, начала здесь оживать, залечивать раны, расти, открыла свое лицо, выкинула лозунги, закладывала фундамент своего дальнейшего существования, внешне неразрывно связав свою судьбу с казачеством, но духовно оставшись чуждой чаяниям и духу казачьему.

Даже эти краткие данные уже достаточно красноречиво говорят, что из всей гражданской войны указанный период борьбы с большевиками является не только наиболее ярким и наиболее сложным по пестроте фактов и событий, но и чрезвычайно богатым разнообразием психологических переживаний и настроений, а также противоречием столкнувшихся здесь интересов и, наконец, важен тем значением, которое придавала ему тогда советская власть.

Неполнота и неточность описания этого исторического периода борьбы Донского казачества объясняется тем, что лица, стоявшие во главе и руководившие казачьим освободительным движением, вынуждены были неожиданно оставить начатое и ведомое ими дело и передать его в другие руки.

Произошло то, что всегда бывает: инициаторы и борцы, выполняющие весьма трудную, опасную и неблагодарную работу, кладущие первые камни основания, обычно попадают в невыгодные условия и совокупностью обстоятельств устраниваются от того дела, которое ими было начато и ими же создано.

Новые руководители Донской жизни, по неизвестным мотивам, не только не заботились сохранить важные документы этого периода, но, наоборот, проявили странную склонность к небрежному обращению с ними, а некоторые из документов предусмотрительно были уничтожены, видимо, как какое-то неприятное доказательство прежней деятельности лиц, взявших тогда бразды правления².

В конечном итоге, события 1918 года на Дону описаны, главным образом, по памяти, при этом людьми, большей частью не стоявшими непосредственно у власти и, следовательно, мало

² Ген. Денисов. Гражданская война на Юге России 1918–1920 гг., с. 4–5.

осведомленными и не посвященными во все тайны управления того времени, факты редко и то односторонне подкреплены официальными отчетами, отчего, конечно, не могла не пострадать правдивость изложения.

Все вышеизложенное и побуждает меня опубликовать свои «Воспоминания», обосновав их на документальных данных, имеющихся в моем распоряжении и поныне.

Покинув Румынию в конце 1917 года и с трудом проникнув на Дон, я с января 1918 года начал работать здесь при атамане Каледине, а затем Назарове, исполняя обязанности 2-го генерал-квартирмейстера его штаба.

«Забытый» в числе других в Новочеркасске 12 февраля и отсидев в городе на нелегальном положении под видом рабочего около полутора месяцев, я принял участие в обороне города в дни 1–4 апреля, а после в «Заплавском сидении» в должности начальника штаба войск «Южной группы», вплоть до освобождения ею столицы Дона – Новочеркасска. Назначенный вслед затем начальником штаба Донских Армий и одновременно начальником штаба Всевеликого Войска Донского и будучи ближайшим сотрудником генералов Краснова и Денисова, мне пришлось составлять планы военных операций по очищению Донской земли от большевиков, а вместе с тем быть непосредственным проводником в жизнь всех мудрых военных начинаний Донского Атамана и всего, что было связано с этим.

Близко стоя ко всем событиям и переживаниям, я был не только в курсе всего тогда происходившего и полностью знал всю подлинную обстановку и политику, но от меня, конечно, не могла быть скрыта закулисная, интимная сторона всего огромного механизма. Кроме того, в силу своего положения мне, неоднократно, иногда с разрешения Атамана и командующего Донскими Армиями, иногда по собственной инициативе, самостоятельно, приходилось проводить в жизнь те или иные мероприятия, каковые мною признавались необходимыми и, следовательно, мне, более чем кому-либо, известны мотивы и причины, обуславливавшие самое их возникновение. Сверх того, в силу тех же обстоятельств, я постоянно участвовал во всех совещаниях Донского и Добровольческого командования, а при обострившихся взаимоотношениях зачастую был официально ответственным представителем Атамана и, значит, Дона.

Но должен оговориться, что не только моя осведомленность в Донских делах этого периода и наличие документов исторического значения заставляют меня поделиться с читателем своими воспоминаниями. К этому меня побуждают и соображения иного порядка. Надо сказать, что прежде особенно часто, но и теперь нередко многие, перебирая страницы прошлого, на столбцах современной русской прессы вспоминают часто первых борцов за восстановление России генералов Алексеева, Корнилова, Маркова, Дроздовского, Деникина, говорят о роли и значении бывшей Добровольческой Армии, реже упоминают о генерале Каледине, почти никогда о мученически погибшем Донском Атамане ген. Назарове и совершенно замалчивают о Доне, которому Добровольческая Армия в значительной степени обязана как зарождением, так и самим существованием в течение около года³. Наоборот, к казакам установилось прежнее полупренебрежительное отношение, их упрекают «в измене», не углубляясь в причину этого явления и упуская, что главная тяжесть борьбы на юге все время лежала на казаках вообще и донских преимущественно. Нельзя забывать, что в то время, когда из многомиллионной массы русского народа только тысячи героев стали на защиту поруганной родины, а остальные покорно несли ярмо интернационала, мирясь с унижениями и оскорблениями, когда, наконец, в освобожденных от большевиков краях от неказачьего населения бралось в ряды войск и то с трудом 4–6, реже 8 возрастов, Донцы дали под ружье 36 возрастов, иначе говоря, все мужское население от 18 до 54 лет, способное носить оружие.

³ В «Белом Деле» (книга I в предисловии) указывается о борьбе на юге генералов Алексеева, Корнилова, Деникина, но ни слова не упоминается о ген. Каледине и Краснове, под водительством коих Донское казачество самостоятельно вело борьбу с большевиками в течение более года, принимая на себя главный удар нескольких советских армий и своей грудью прикрывая Добровольческую армию.

Если поэтому в своих «Воспоминаниях» мне удастся оттенить хотя бы небольшую долю той огромной роли, которую сыграло Донское казачество в истории освободительного Белого Движения и хотя бы частично отметить его доблесть и неисчислимые жертвы, принесенные казачеством на алтарь отечества, что, полагаю, не должно умереть в памяти русского народа, – я буду считать себя нравственно удовлетворенным.

В моих «Воспоминаниях» я пишу только о том, что сам видел, что пережил, перечувствовал, в чем сам лично принимал непосредственное участие, останавливаясь подробно на том, что не попало еще в печать или чему, по недостатку документальных данных, придано не совсем правильное освещение.

Других событий я касаюсь лишь попутно, вскользь и только тогда, если по ходу изложения это необходимо, дабы факты связать в одно целое, причем, в таких случаях, ссылаюсь на источники, откуда они заимствованы.

Автор

Югославия – Загреб, 1925 г.

ИСТОЧНИКИ

Помимо моих личных воспоминаний и заметок, приказов Всевеликому Войску Донскому, копий докладов и отчетов о заседаниях высших представителей командования Донской и Добровольческой армий, официальных постановлений Большого Войскового Круга, а также и многочисленных газет⁴, выходивших на Юге в период 1917–1918 годов, в том числе и большевистских, кроме всего перечисленного, при составлении «Воспоминаний» служили пособием нижеследующие труды:

Отчет Управляющего Военным и Морским Отделами и Командующего Донской армией и флотом – Большому Войсковому Кругу к 15 августа 1918 года.

Отчет Управляющего Военным и Морским Отделами и Командующего Донской армией и флотом – Большому Войсковому Кругу к 1 февраля 1919 года.

Краткий исторический очерк освобождения земли Войска Донского от большевиков и начала борьбы за восстановление единой России.

Всевеликое Войско Донское. П. Н. Краснов (Архив Рус. рев. Том V).

Гражданская война на Юге России 1918–1920 г.г. Ген. Денисов.

Поход Корнилова – А. Суворин – Алексей Порошин.

Донской Атаман П. Н. Краснов – Г. Щепкин.

Донская Летопись. Тома II и III.

Очерки Русской смуты. Ген. Деникин.

Из Воспоминаний ген А. Лукомского (Архив Рус. рев.).

⁴ «Донские Ведомости», «Вечернее Время», «Приазовский Край», «Часовой», «Донской Край», «Свободный Дон», «Вольный Дон», «Россия», журнал «Донская Волна», «Известия Новочеркасского Совета рабочих и казачьих депутатов» и другие.

Часть первая

Из Ботушаны (Румыния) на Дон

Октябрьский большевистский переворот. В штабе IX армии. Тыл армии в конце 1917 года. Растерянность начальства. Поведение казачьих частей. Малая осведомленность о том, что происходит вне армии. Калединский «мятеж» и главные его вдохновители: Керенский и Верховский. Настроение офицерства. Бесцельность дальнейшего пребывания в армии. Отъезд из Румынии. Киев в декабре 1917 года. Слухи о Донских событиях. Вынужденное возвращение в Подольскую губернию, в город Хмельник. Новая попытка проехать в Новочеркасск. В казачьем бюро в Киеве в январе 1918 года. Знакомство с офицерами и образование группы для совместной поездки на Дон. Отъезд из Киева. Станция Знаменка и приключения там. Присоединение к казачьему эшелону. Разговоры со стариками казаками. Большевистская пропаганда среди казаков и ее результат. Станция Апостолово. Решение казаков пробиваться на Дон с оружием, а в итоге – бунт. Наше бегство из казачьего эшелона в г. Никополь. Уход из Никополя и следование по Таврической губернии пешком и на подводах. Настроение крестьян и отношение к нам. Бесследное исчезновение из кашей группы есаула. Снова в казачьем эшелоне от ст. Царевоконстантиновск. Большевизм в Донецком бассейне. Станция Волновахи. Отряды красной гвардии и отношение их к казакам. Арест нашего прапорщика на ст. Ясиноватая. Ст. Дебальцево и расстрел красногвардейцами нескольких офицеров, пытавшихся пробраться на Дон. Наша жизнь в эшелоне. Настроение казаков эшелона и отношение их к большевикам. В Донской области. Ст. Серебряково и оставление нами казачьего эшелона. В теплушке до Царицына. Царицын в январе 1918 года. Следование с казаками от Царицына до полустанка Злодейского. Ст. Торговая и большевистские порядки. Ночью от полустанка Злодейского до станции Хомутовской. Прием нас здесь. На подводе до станции Ольгинской. Ст. Аксайская и конец мытарствам. Благополучный приезд в г. Новочеркасск 23 января 1918 года.

Октябрьский большевистский переворот застал меня в Румынии в штабе IX армии в г. Ботушаны.

Происшедшее не явилось для меня неожиданностью. В нем я видел лишь неизбежный заключительный аккорд преступной нерешительности трусливой кучки политических деятелей во главе с Керенским – именовавшейся Временным Правительством. Панически боясь даже призрака контрреволюции и истерически всюду его преследуя, убогий председатель Правительства, прозевал действительную опасность, вписав в историю Российского государства бесславные и небывало позорные страницы. Уже в начале октября нельзя было сомневаться, что злополучный парламент революционного самодура доживает последние дни. Нависала багровая туча. Надвигалось новое, ужасное зло – гражданская распря.

Работа штаба в это время вообще, а в частности, генерал-квартирмейстерского отдела, почти совсем прекратилась. По старой привычке мы продолжали посещать штаб, где коротали время за игрой в шахматы, шашки, в злободневных разговорах и в обсуждении назревающих событий, стараясь, подняв завесу, заглянуть в будущее. Боевой темой для наших бесед весьма часто служили несуразные, подчас дикие постановления армейского комитета, заседавшего здесь же в Ботушанах. Это детище революции, созданное с очевидной целью подорвать престиж офицерского состава и тем ускорить развал армии, косо смотрело на нас, расценивая офицеров штаба вообще, а особенно офицеров Генерального штаба, как определенных и законченных контрреволюционеров.

Непосредственной опасности нам не грозило. Наличие румынских частей в городе и юнкеров военного училища в значительной степени обуздывало аппетиты товарищей. Однако

у большинства из нас душевное равновесие было нарушено, росла растерянность, не было уверенности в завтрашнем дне.

Невозможно было оставаться равнодушным и видеть, как мероприятия «Нового правительства» окончательно разваливают в армии и то, что с большим трудом удалось сохранить. Становилось ясно, что гибнет не армия, не фронт, а гибнет Россия. Даже самые неисправимые оптимисты и те считали, что Россия катится в бездну по наклонной плоскости.

Значительная удаленность от очага заразы – Петрограда позволила армиям Румынского фронта, в том числе и нашей, дольше других сохранять хотя бы видимый порядок. Но гнусная социалистическая пропаганда продолжала свое дело. Развал фронта, происходивший обратно пропорционально расстоянию до Петрограда, постепенно близился и, наконец, проник и в нашу армию. Жалкие попытки противодействия, не поддержанные к тому же свыше, были безуспешны. Остановить заразу мы оказались бессильны. В роли вынужденных зрителей мы наблюдали разворачивающуюся кошмарную и мучительную драму: ломались вековые устои, рушились идеалы, традиции прошлого, падали покровы, обнажая гнусное бесстыдство и отвратительное убожество многих руководителей, еще вчера купавшихся в лучах царственного блеска и ласки, а ныне делавших революционную карьеру. Несся ужасный вихрь, превращавший все в обломки.

В зависимости от впечатлительности и восприимчивости, каждый из нас переживал душевные страдания и мучился сознанием своей беспомощности.

Особенно резко, как я заметил, это отразилось на командующем нашей армией ген. – лейт. Анатолии Киприяновиче Келчевском. Раньше всегда веселый, жизнерадостный, душа общества, как принято говорить, он теперь совершенно осунулся, согнулся, пожелтел, составил.

Военная академия, где генерал Келчевский пользовался общей любовью всего переменного состава, как отличный лектор и как человек, подкупавший всех простотой своего обращения, а затем, – долгие годы совместного пребывания в штабе IX армии – сблизил нас, и в его лице я видел не только начальника, но, несмотря на разницу лет и положения, доброго, близкого, отзывчивого своего друга

Видя ежедневно Анатолия Киприяновича, я замечал, как помимо горьких переживаний, испытываемых всеми нами, его лично гнетет еще и острая боль разочарования в результатах «бескровной». На это у меня имелись довольно веские основания. Помню, еще в самом начале революции, в марте месяце, ген. Келчевский, бывший тогда генерал-квартирмейстером штаба, как-то зашел в мою канцелярию и, будучи в хорошем настроении, шутливо обратился ко мне со словами: «А ты, Иван Алексеевич, все сидишь насупившись, как сыч». На что я ответил: «Особых причин теперь веселиться не вижу». «Ну, конечно, тебе, казаку, революция не по нутру, вы все больше насчет нагайки».

Слово за слово мы начали разговор, который из шутки очень скоро перешел в горячий спор. Через несколько минут комната наполнилась офицерами штаба, привлеченными шумом. По выражению лиц присутствующих, по их репликам, я безошибочно мог заметить, что часть из них сочувствует ген. Келчевскому.

Спор касался происшедшей революции и возможных ее последствий. Анатолий Киприянович, в общем, признавал необходимость совершившегося и глубоко верил в светлое будущее, как логическое следствие происшедшего переворота.

Моя точка зрения была диаметрально противоположной. Вполне понятно, что при таких разных взглядах, невозможно было найти примирительную равнодействующую в нашем споре, и потому ген. Келчевский, кончая разговор, бросил мне фразу: «С твоими убеждениями тебе лучше ехать теперь же на Дон».

Я не остался в долгу и ответил: «За совет спасибо, но на Дон я уеду, когда найду нужным. Со своей же стороны, тебе пожелаю, чтобы дивизия, которой тебе предстоит командовать,

состояла бы из солдат Петроградского гарнизона, т. е. элемента, по твоим словам, сознательного и каковой ты только что горячо восхвалял, а я предпочитаю командовать полком такого приблизительно состава, с которым мы выступали на войну в 1914 году».

Мое пожелание не сбылось. Командовать дивизией ему не пришлось. Революция быстро несла его вверх. После ухода ген. – лейт. А. С. Санникова, он становится начальником штаба армии, а затем через небольшой срок, принимает на свои плечи тяжелое бремя командования армией.

Столкнувшись здесь с настоящей жизнью и действительными достижениями революции, ген. Келчевский понял свои заблуждения, а также ошибочность и необоснованность своих мартовских надежд.

После нашего спора вопрос этот уже никогда больше не поднимался, да и все последующее само уже красноречиво говорило о достигнутых результатах «бескровной».

События развивались ускоренным темпом, опережая собою всякие возможные предположения и зачастую поражая нас своей последовательностью.

Дожили мы и до момента, когда вынуждены были снять погоны, и помню, как, встречаясь друг с другом, мы избегали смотреть в глаза, будто бы каждый из нас совершил что-то постыдное, нехорошее.

Между тем, с каждым днем становилось очевиднее, что здесь, на фронте, все окончательно гибнет и всякие попытки какой бы то ни было работы с представителями новой власти будут бесцельны и безрезультатны.

Боевые действия прекратились. Модные лозунги «без аннексий и контрибуций», «долой войну» – делали свое дело. Дезертирство развилось до предела; целыми ватагами солдаты оставляли позиции и распылялись в тылу, стоявшие части никаких приказов не исполняли, власти не признавали, все время шли митинги, смены и назначения себе начальников.

В это время я был начальником «Военно-дорожного отдела» штаба IX армии. У нас этот отдел возник еще в самом начале войны, так сказать, явочным порядком, по мысли талантливого начальника штаба армии ген. – лейт. Санникова. Как известно, положением о полевом управлении войск в военное время он предусмотрен не был, что нельзя не признать большим упущением. Опыт войны и сама жизнь показали, что наличие такого отдела в штабе армии безусловно необходимо и, в будущем, надо полагать, на это будет обращено должное внимание.

По должности своей, я неоднократно бывал в тыловом районе корпусов и армий, наблюдая и контролируя как состояние главных железнодорожных узлов, так и работы по постройке и поддержанию в порядке шоссейных и грунтовых дорог, а также разного рода переправ.

Само собой разумеется, что солидность, интенсивность и последовательность хода работ, а также окончание их, всегда находились в тесной зависимости от требований боевой обстановки и соображений оперативного порядка. Находясь в генерал-квартирмейстерском отделе и, следовательно, будучи всегда в курсе обстановки на фронте и оперативных предположений, а вместе с тем, непрестанно следя за тылом, я мог, внося известный корректив, приурочивать и согласовывать работы с оперативными требованиями.

Мои частые поездки дали мне достаточный опыт по небольшим, не всегда заметным для непривычного глаза, признакам в тылу делать иногда довольно правильный вывод о состоянии и боеспособности войск. К моему глубокому огорчению, я мало встречал старших военачальников, которые бы ясно сознавали всю важность поддержания порядка в тылу, видели бы непрерывную связь тыла и боевой линии и отчетливо представляли себе, что дух войск в значительной мере зависит от порядка в тылу, его жизни и настроения тыловых частей. В этом отношении яркими положительными примерами могут служить ген. Лечицкий, бессменный командующий IX армией, и Донской Атаман ген. Краснов, а как отрицательный пример – тыл Добровольческой армии в 1918 и 1919 годах. И первый, и второй, мало того, что вполне понимали все огромное значение состояния тыла, но, главное, посвящали ему неустанно особенно

много внимания с целью поддержания именно здесь образцового порядка, воинской дисциплины и пунктуальности жизни всего тылового обихода.

Многим известно, что тыл это – зло и зло неизбежное. Но от старшего начальника зависит уменьшить вредные стороны тыла до минимума или дать им пышно расцвести и своим ядовитым запахом не только одурманить, но и отравить все прекрасное, героическое – боевое. Тыл как магнит тянет к себе все трусливое, малодушное, темное, жадное до личной наживы и внешнего блеска. Здесь несетя беспорядочная, полная интриг и сплетен жизнь. Злостная спекуляция, тунеядство и выслуживание с «черных ходов» – обычные спутники тыловой жизни. Здесь неудержимая погоня и лихорадочная поспешность в короткий срок использовать всю сумму возможных благ и удовольствий. Тыл и не любит и боится фронта. Крепнет фронт – наглеет тыл, совершенно забывая фронт; последний приближается – тыл волнуется, трусливо мечется во все стороны и, возмущаясь, бранит фронт, не сумевший охранить благополучие тыла. Тыл – царство темных героев с громадной популярностью и апломбом, но совершенно неизвестных на фронте. Развязно, самоуверенно, подчас открыто, они цинично критикуют действия фронта. Обычно это – щеголи, одетые с иголочки и обвешенные всеми принадлежностями боевого воинского отличия; ведут беспечный и шикарный образ жизни, располагая неизвестно каким способом добытыми огромными суммами денег. Они горды и на особом привилегированном положении, ибо за каждым из них стоят «высокие покровителя», и потому они неуязвимы. Чем дальше от фронта, чем глубже в тыл, тем резче меняется картина тыловой жизни, поражая своей беззаботностью, сытостью, пышностью и бесшабашным разгулом. Победа и успех воспринимаются здесь очень чутко, комментируются на все лады, рождая необоснованные слухи и сплетни и создавая нездоровую зараженную атмосферу. И каждый рядовой боец и офицер должен так или иначе вдыхать эту атмосферу. Первое представление о фронте у них зарождается, в сущности, уже в армейском районе, передвижение в котором, зачастую, совершается по шоссе и грунтовым дорогам, иначе говоря, – по этапам. И, конечно, то, что они видят, слышат, та или иная жизнь здесь оставляет на них первое, а, следовательно и наиболее острое впечатление.

Вопрос тыла настолько большой, настолько важный и интересный, что мог бы послужить самостоятельной темой для отдельного исследования, но это не входит в мою программу. Я хочу только сказать, на основании практики и наблюдения тыла и фронта, что между ними, помимо железнодорожных путей, шоссе и грунтовых дорог, помимо телеграфных, телефонных линий и других видов связи, – существует непрерывно духовное единение, есть тысячи невидимых, неуловимых нитей, делающих из двух, как будто бы противоположных частей одно целое. По моему убеждению, армия с неустроенным, недисциплинированным и дезорганизованным тылом, в смысле не только материальном, но и духовном, обречена на успех, как бы ни были доблестны и самоотверженны ее боевые части.

Такая армия, быть может, одержит одну, даже несколько временных побед, но, в конечном результате, она обречена на неудачу. Ее заразит, разложит морально и материально ее же тыл. И это одинаково применимо к армии, группе армий и целому государству.

Общераспространенное мнение, что в будущих войнах победит тот, у кого нервы окажутся крепче. Если это так, то значит надо, еще в мирное время, суметь выковать крепкие нервы с тем, чтобы в начале войны окончательно их закалить. И надо полагать, эта закалка будет происходить главным образом в тылу, в самом широком смысле этого слова, и конечно, дух тыла, его атмосфера, моральное настроение, распорядок жизни, наконец, дисциплина, – все это, вместе взятое, и явится главным фактором, который отразится на качестве и годности этой закалки в предстоящем испытании.

К описываемому мною времени, т. е. к началу ноября 1917 г., район нашей армии резко изменил свою физиономию. Ничто уже не напоминало прежнего образцового порядка, изучать который к нам неоднократно командировались офицеры Генерального штаба из других армий.

Везде бродили праздные толпы солдат, потерявших воинский облик и превратившихся в опасные банды разбойников. Они быстро усвоили лозунги революции, осознали свою силу и нагло, при каждом случае, подчеркивали безнаказанность своих поступков. Начальство растерялось. Вместе с тем резче и резче сказывалось бессилие власти. Некоторые старшие воинские чины начали поигрывать в товарищи, жали солдатам руки, сопровождали приветствие поклоном, а иногда и снятием головного убора. В угоду солдатской массе украшали себя красными бантами, как символ воспринятая революции. Солдаты это оценивали по-своему и становились еще наглее и самоувереннее. Только местами кое-где оставались, как единственные представители задержавшегося порядка, стойкие казачьи части. Следует указать, что революционный переворот казачьи части встретили особенно, по-своему, с разными оттенками переживаний. Местами произошли незначительные эпизоды, были увлечения, иногда отказы повиновения, митинги с красными бантами и выражением «недоверия», главным образом, офицерам, не умевшим хранить «казачью деньгу», но справедливость требует сказать, что такие случаи являлись весьма редкими исключениями в казачьей среде. Революционный угар быстро прошел, и у казаков наступило деловито-спокойное настроение. Их сильно беспокоило неясное будущее, но предметом всегдашних разговоров было настоящее. К сожалению, Временное Правительство, совершило огромную и непоправимую ошибку, не сумев разобраться в казачьей психологии. Казаки слабость власти по отношению к нарушителям государственного порядка расценивали, как простое попустительство, а Временное Правительство под влиянием совета рабочих и солдатских депутатов, в позиции, занятой казаками, видело проявление контрреволюционности и, вместе с тем, угрозу и самой революции. Казакам было ясно, что правительство не на их стороне, однако, несмотря на это, они дольше всех держали дисциплину, оставаясь верными законности, порядку и казачьей идеологии. Даже когда в солдатские массы был брошен страшный лозунг – мир во что бы то ни стало... и всех властно потянуло домой, на родные нивы и тогда к чести казачества нужно сказать, – ни один казак не ушел с фронта, ни один не дезертировал. С глубоким презрением смотрели казаки на товарищей, покидавших позиции и трусливо расползавшихся по своим деревням.

Гордое, полное сознания исполнения казаками своего воинского долга, выполнение ими приказов об обезоруживании бунтующих полков возбудило против казаков солдатские массы, и положение казачьих сотен и полков, вкрапленных единицами среди солдатских корпусов, сделалось жутким.

К казакам жалось запуганное и загнанное офицерство, а в глазах высших начальников они из «мародеров», «опричников», «нагаечников» и в лучшем случае иронического слова «казачков» – превратились в героев. Товарищи это видели, и ненависть и злобное чувство к казакам постепенно росло в солдатских массах. Бывать офицеру среди бушующих солдатских толп стало опасно. Мои поездки по тылу становились реже и, наконец, совсем прекратились. При новых порядках нельзя было и думать вести какие-либо работы в тылу. Всякая подобная попытка заранее обрекалась на неудачу. В лучшем случае ее сочли бы за контрреволюционную затею, что вызвало бы среди «товарищей» только озлобление и эксцессы по отношению к руководителям и техническому персоналу. В это время уже пышно цвели безграничное бесчинство праздных солдат и дикий бессмысленный вандализм русского разгильдяйства и хамства.

Работать никто не желал. Все стояло, словно заколдованное, в том виде, как застала «бескровная», производя ужасно жуткое и тяжелое впечатление. Дороги не ремонтировались, рабочее самовольно разошлось, многочисленный технический персонал номинально сорганизовался в комитеты, а фактически каждый делал все, что хотел, и устраивал свою судьбу, как ему казалось лучше. На железных дорогах было еще хуже. Здесь царил неопиcуемый хаос. Все станции были запружены дезертирами. Забыв долг и стыд солдата, они партиями бродили по тылам, грабя население, военные склады и совершая насилия. Шло самовольное распоряжение паровозами, подвижным составом, и регулирование движения стало невозможным. Адми-

нистрация железных дорог была терроризирована и бессильна как-либо противодействовать. И только энергичные меры Румынского Правительства, принятые им для установления здесь порядка, мало-помалу начали давать положительные результаты.

Наблюдая часто бесчинства солдат, я видел, что большинство «товарищей», творя те или другие безобразия, делали это обычно крайне трусливо. Быть может, бессознательно, но в них все же что-то говорило, что они совершают беззакония, за которые может последовать и должное возмездие. Вот почему часто тупая их злоба неожиданно сменялась страхом перед возможностью расплаты. И мне думается, располагай мы тогда, хотя бы небольшими, но стойкими воинскими частями (только не казачьими, так как они, выполняя фактически полицейскую службу, уже сильно возбудили против себя солдатскую массу), развал фронта если и не был бы совершенно предотвращен, то, во всяком случае, прошел бы более безболезненно и, быть может, без всех тех роковых последствий.

В этом отношении большая вина наших союзников. Они не только не помогли нам в тяжелую минуту, но, наоборот, поддерживая революционную блажь Керенского, тем самым играли в руку нашим врагам, способствуя и развалу армии, и прогрессу внутренней смуты, — в конечном результате совершенно ослабившим Россию и надолго выбросившим ее с мировой сцены как великую державу. Разочарованность в наших союзниках, начавшись вместе с революцией среди некоторых кругов русской интеллигенции, а отчасти и офицерства, росла по мере углубления завоеваний «бескровной» и достигла высшего напряжения, когда Россия одинокой была брошена на съедение большевикам, оставленная всеми своими друзьями. Освобождение, хотя и временное, австро-германскими войсками значительной части территории из-под красного террора еще более усилило эту разочарованность и побудило многих призадуматься о принципах верности союзникам.

Мне вспоминается такой случай. Было сообщено, что на узловой станции Роман собравшиеся товарищи отказываются грузиться в товарные вагоны, требуя подачи пассажирских, и в случае неисполнения грозят разгромить станцию и учинить самосуд над администрацией. Одновременно командующий армией, генерал Келчевский, настойчиво просил меня как можно скорее уладить этот вопрос. На станции создалось весьма критическое положение, ибо товарищи каждую минуту могли привести свои угрозы в исполнение. Никакой воинской надежной части, которая бы восстановила порядок на станции, у меня не было. Пришлось ехать лично. Не доезжая до станции, сошел с автомобиля и пошел пешком, дабы меньше обратить на себя внимания. Меня встретил комендант станции и передал все подробности происшествия. Перрон, пути, станция и все прилегающие строения были заполнены вооруженными солдатами, из которых многие находились в состоянии опьянения. У двух разбитых вагонов товарищи митинговали, обсуждая программу дальнейших действий. Раздавались угрозы по отношению железнодорожного персонала, офицерства, буржуев. Большинство, по-видимому, склонялось к тому, чтобы силой забрать наличные составы, устроить 1–2 эшелона и, следуя всем вместе, громить попутные станции, предавая их огню и мечу. Настроение солдат было таково, что никакие увещевания не помогли бы. Что было делать? Пассажирских вагонов почти не было, а если бы они имелись, то я не дал бы их, дабы этим не узаконить подобных требований на будущее время. В этот момент мое внимание привлек подходивший поезд, оказавшийся румынским эшелоном новобранцев, сопровождаемых вооруженной командой в 16 человек при одном офицере.

Вагоны были заперты, и, как после я узнал, новобранцам запрещалось выходить на больших станциях. Поезд остановился. На перроне появился румынский офицер. Увидев одного новобранца, выскочившего из вагона, он подскочил к нему, схватил за шиворот и силой водворил обратно в вагон. Наши солдаты, оставивши митинг, наблюдали эту картину с большим любопытством, но затем какой-то плюгавенький солдатишка крикнул: «Товарищи, не позволим издеваться над пролетариатом, открывая вагоны, выручай своих братьев, бей офицера».

Эти слова оказались искрой, брошенной в пороховой погреб. Схватив винтовки, озверелые солдаты устремились к офицеру, еще момент, и он был бы растерзан. Однако, не потеряв присутствия духа, он в мгновение ока очутился возле караульного вагона и на бегу отдал какое-то приказание караулу. В один момент 16 вооруженных человек по команде ошетинились для стрельбы. Раздался залп в воздух, и нужно было видеть, как сотни вооруженных людей с искаившимися лицами от животного страха, бросая винтовки, давя один другого, кинулись во все стороны, ища спасения. Через минуту станция и ближайший район были совершенно пусты, и долгое время, пока стоял эшелон, я разговаривал с румынским офицером, обмениваясь мнением по поводу только что происшедшего. После понадобились большие усилия коменданта станции и администрации, чтобы собрать разбежавшихся солдат и уговорить их вернуться на станцию. Они стали спокойны и послушны. Охотно сели в товарные вагоны и без всяких инцидентов были отправлены по назначению.

Жизнь в штабе армии текла довольно монотонно. О том, что происходило вне армии, информации обычно были запоздалые, питались больше слухами. Газеты получались изредка и, кроме того, сведения одних явно противоречили другим, а потому уяснить из них истинное положение России было невозможно. Все носило характер неопределенный, туманный. Однако даже и из этих скупо долетавших до нас известий, разговоров и слухов, нам было ясно, что в армии делать нечего, что мы обрекаемся на бездействие, но как долго продлится такое состояние и каковы будут последствия, никто сказать не мог. Каждый день приносил все новые и новые сенсации, значительная часть коих касалась Дона и событий, происходящих там. Слухи о Доне порой были невероятны, даже легендарны с точки зрения логики и разума, но мы жадно их ловили, верили им или, вернее говоря, хотели верить, с какой-то тайной надеждой, что именно оттуда, с Дона, должно начаться общее оздоровление. Уже с мая месяца внимание всех стало сосредоточиваться на популярном имени ген. Каледина, героя Луцкого прорыва, бывшего долгое время нашим соседом в качестве командующего VIII армией. Мне было известно, что еще весной ген. Каледин оставил армию, и не столько по болезни, сколько под влиянием иных причин, разочарованный и непонятый даже своими близкими помощниками и сотрудниками. Покидая армию, он был полон любви и веры в Дон, он верил в крепость старых традиций казачества и считал, что только там на Дону еще можно работать.

С 18 июня 1917 года генерал Каледин становится во главе Войска Донского как выборный Атаман, и с ним объединяются Атаманы Кубанского и Терского войск. Вскоре ему по праву и достоинству выпадает честь быть представителем Казачества на Московском совещании в августе месяце. Отлично защищал армию бывший здесь ген. Алексеев, но еще выпуклее обрисовала положение казачья декларация, прочитанная Донским Атаманом и названная газетами речью Каледина.

Прекрасная по содержанию, уверенная по тону, полная патриотизма, в ней открыто указывалась Временному Правительству та смертельная опасность и беспредельная пропасть, над которой повисла Россия. В противоположность речи Керенского, она с восторгом читалась нами, рождая массу надежд.

Ценность выступления ген. Каледина на этом совещании состояла в том, что впервые за все время всеобщего революционного развала раздался твердый голос объединенной, крупной народной силы, а не голос партии, организации, комитета, обычно не имевших за собой никакой реальной силы.

Устами своего представителя Казачество как бы предопределило себя для будущее – выступления против тех, кто, пользуясь слабостью Временного Правительства, готовил гибель России. И действительно, примерно через полгода, выступив с оружием в руках против советской власти, казаки тем самым доказали, что заявление, сделанное в августе от Российского Казачества, не было пустым звуком партийно-общественных деятелей, а явилось глубоко продуманным актом, вышедшим из глубины народной.

С этого момента ген. Каледин делается центром внимания всех, а в глазах Керенского становится контрреволюционером и явным противником его взглядов и революционных идей, что и определяет дальнейшее отношение главы Временного Правительства к Донскому Атаману.

Все взоры устремляются на Дон как на единственно чистый клочок русской земли, как на ту здоровую ячейку, которая может остановить гибель России. Именно этим и можно было объяснить, что когда во время Корниловского выступления появились фантастические сообщения газет о движении казачьих частей на Воронеж и Москву, то это нашло живой и радостный отклик в наших сердцах. Мы верили этому, не желая учитывать простой вещи, что весь то Доя на фронте, а в области почти никого. Мы забывали и то, что свыше 20⁵ казачьих полков все лето занимались ловлей дезертиров, а затем стали единственной надежной охраной штабов и учреждений.

После Московского совещания мы явились свидетелями очередной провокации Керенского.

В связи с выступлением Корнилова, Каледина объявляют мятежником и делают предметом травли, в то время когда он объезжал неурожайные станицы Усть-Медведицкого округа Войска Донского.

Эту его поездку, при содействии Керенского, истолковывают желанием Каледина поднять казачество против Временного Правительства.

Видя в Донском Атамане не только человека большого государственного ума и крепкой силы воли, но главное, опасаясь того огромного авторитета, который приобрел он в глазах и казачества, и всех национально мыслящих русских людей, глубоко веривших, что Каледин найдет достойный путь, чтобы вывести казачество из сложных и запутанных обстоятельств, Керенский решает на провокацию. Очевидно, и ему, и его приспешникам, а затем Ленину и Троцкому не столько были страшны талантливые, с именами, но без народа генералы, сколько страшен и опасен был Каледин, за которым шли Дон, Кубань, Терек. С целью подорвать престиж Каледина и тем обезглавить казачество, Керенский 31 августа всенародно объявляет его мятежником, отрешает от должности, предает суду и требует его выезда в Могилев для дачи показаний.

А днем раньше военный министр А. Верховский телеграфировал Каледину: «С фронта едут через Московский округ в область Войска Донского эшелоны казачьих войск в ту минуту, когда враг прорывает фронт и идет на Петроград. Мною получены сведения о том, что ст. Поворино занята казаками. Я не знаю, как это понимать. Если это означает объявление казачеством войны России, то я должен предупредить, что братоубийственная борьба, которую начал генерал Корнилов, встретила единодушное сопротивление всей Армии и всей России. Поэтому появление в пределах Московского округа казачьих частей без моего разрешения я буду рассматривать как восстание против Временного Правительства. Немедленно издам приказ о полном уничтожении всех идущих на вооруженное восстание, а сил к тому, как всем известно, у меня достаточно».

Одновременно А. Верховский бомбардирует телеграммами революционный Ростов, две из них были адресованы к начальнику гарнизона, следующего содержания:

«До моего сведения дошло, что ген. Каледин сосредоточивает казачьи силы в Усть-Медведицком округе, желая изолировать Донскую область. Я этого не допущу и разгону казачьи полки. Телеграфируйте, чтобы избежать кровопролития. Генерал Верховский».

«Арестуйте немедленно генерала Каледина. За неисполнение приказа ответите перед судом. Генерал Верховский».

⁵ В июле месяце на эту работу было отвлечено около 40 казачьих полков.

Таким образом Каледину предъявляют обвинение, приказывают его арестовать и в то же время, очевидно умышленно, не желают проверить достоверность обвинения, что могло быть легко выполнено путем переговоров по прямому проводу с комиссаром Вр. Правительства М. Вороновым, проживавшим тогда в г. Новочеркасске.

Наэлектризованная вышеприведенными телеграммами революционная демократия Новочеркасска, поддержанная Ростовскими, Царицынскими и Воронежскими полубольшевистскими организациями, отрядила небольшой отряд во главе с есаулом Голубовым для ареста Каледина. Но последний только случайно ареста избежал.

Собравшемся в начале сентября Войсковому Кругу Донской Атаман дал подробный отчет в своих действиях, доказывая свою невиновность, ложность и необоснованность предъявленных ему обвинений со стороны Вр. Правительства и военного министра А. Верховского. Рассмотрев всесторонне дело о «Калединском мятеже» Круг вынес следующее постановление⁶: «Донскому войску, а вместе с тем всему казачеству нанесено тяжелое оскорбление. Правительство, имевшее возможность по прямому проводу проверить нелепые слухи о Каледине, вместо этого предъявило ему обвинение в мятеже, мобилизовало два военных округа – Московский и Казанский, объявило на военном положении города, отстоящие на сотни верст от Дона, отрешило от должности и приказало арестовать избранника Войска на его собственной территории при посредстве вооруженных солдатских команд. Несмотря на требование Войскового Правительства, оно, однако, не представило никаких доказательств своих обвинений и не послало своего представителя на Круг. Ввиду всего этого Войсковой Круг объявляет, что дело о мятеже – провокация или плод расстроенного воображения.

Признавая устранение народного избранника грубым нарушением начал народоправства, Войсковой Круг требует удовлетворения: немедленного восстановления Атамана во всех правах, немедленной отмены распоряжения об отрешении от должности, срочного опровержения всех сообщений о мятеже на Дону и немедленного расследования, при участии представителей Войска Донского, виновников ложных сообщений и поспешных мероприятий, на них основанных.

Генералу Каледину, еще не вступившему в должность по возвращении из служебной поездки по Области, предложить немедленно вступить в исполнение своих обязанностей Войскового Атамана».

Итак, провокация Керенского не удалась. В глазах казачества популярность генерала Каледина возросла еще больше.

С чувством глубокого возмущения читали мы сообщения газет о том, что ввиду создавшихся недоразумений с Донским казачеством военный министр А. Верховский по поручению Вр. Правительства пригласил к себе заместителя председателя совета союза казачьих войск есаула А. Н. Грекова. Верховский старался объяснить те обстоятельства, при которых он в качестве командующего Московским округом обвинил казаков в мятеже и приказал войскам быть готовыми для воспрепятствования замыслам генерала Каледина. Просто не верилось, что все это исходит от А. Верховского, который в течение более года был среди нас в штабе IX армии, обращая на себя внимание большой трудоспособностью и скромностью. Работая с ним долгое время в оперативном отделении штаба армии, проводя вместе целые дни, будучи, наконец, в добрых и приятельских с ним отношениях, я никогда не замечал, чтобы он был одержим болезнью социализма, да еще в такой острой форме, как то выявилось в начале революции и в конечном результате увенчалось его службой у большевиков. Я знал, что в молодые годы его жизни с ним произошел случай, показавший его неуравновешенность и ложное понимание воинского долга, но затем вся его дальнейшая служба давно искупила этот грех молодости и казалось навсегда изгладила его из памяти, не говоря уже и о суровом наказании, понесен-

⁶ Донская Летопись. Том 2, с. 140.

ном им. Трудно было объяснить и понять, как мог блестящий офицер Генерального штаба, кавалер двух Георгиевских крестов – солдатского и офицерского (первый – в Русско-японскую войну, второй – в Великую) а также и золотого оружия, отлично воспитанный, хорошо владевший иностранными языками, человек большой работоспособности, в жизни очень скромный и застенчивый, вдруг сразу стать не только на ложный, но и преступный путь перед своей родиной. В дальнейшем разговоре с А. Н. Грековым, Верховский, ссылаясь на заявление казачьих частей в Москве, что до получения указаний с Дона они не могут стать на сторону Вр. Правительства, обещал приложить все средства, чтобы создать между Правительством и казачеством отношения, основанные на взаимном доверии, и при этом выразил желание, чтобы генерал Каледин выехал в Могилев для дачи показаний следственной комиссии, причем подчеркнул, что ген. Каледин арестован не будет.

А. Н. Греков в ответ предложил ему предписать следственной комиссии поехать на допрос к ген. Каледину, не надеясь, что Дон отпустит Каледина в Могилев.

Читая это, мы, конечно, негодовали, волновались, горячо обсуждали события, комментировали их, делали свои выводы и предположения, но дальше разговоров и споров дело не шло и однообразие жизни ничем не нарушалось.

В ноябре месяце приток сведений еще более сократился. Мы вынуждены были довольствоваться только тем, что случайно долетало до нас и, чаще всего, в искаженном виде. Под секретом передавалось, что Дон власть большевиков не признал Всероссийской властью и что впредь до образования общегосударственной всенародно признанной власти Донская область провозглашена независимой, в ней поддерживается образцовый порядок и что, наконец, казачья армия победоносно движется на Москву, восторженно встречаемая населением. Вместе с тем, росли слухи, будто бы Москва уже охвачена паникой; красные комиссары бежали, а власть перешла к национально настроенным элементам. Из уст в уста передавалось, что среди большевиков царит растерянность, они объявили Каледина изменником и тщетно пытаются организовать вооруженное сопротивление движению, но Петроградский гарнизон отказался повиноваться, предпочитая разъехаться по домам. Можно себе представить какие розовые надежды рождались у нас и с каким нетерпением ожидали мы развязки событий. К сожалению, в то время мы жили больше сердцем, чем холодным рассудком, не оценивая правильно ни реальную обстановку, ни соотношение сил, а просто сидели и ждали, веря, что гроза минет и снова на радость всем засияет солнце.

Дни шли, просвета не было, а хаос и бестолковщина увеличивались. У более слабых уже заметно росло разочарование, у других определеннее зрела мысль о бесцельности дальнейшего пребывания в армии, появилось и тяготение разъехаться по домам. Но что делать дома, как устраивать дальше свою жизнь, как реагировать на то, что происходит вокруг, все это, по-видимому, не представлялось ясным и отчетливо в сознании еще не уложилось. Видно было только, что неустойчивость создавшегося положения мучит всех и вызывает неопределенное шатание мысли. Между тем, обстановка складывалась так, что необходимо было решить вопрос – что делать дальше; требовалось выйти из состояния «нейтралитета», нельзя было дальше прятаться в собственной скорлупе разочарования и сомнений, казалось, надо было безотлагательно выявить свое лицо и принять то или иное участие в совершающихся событиях. Делясь этой мыслью со своими сослуживцами, я чаще всего слышал один и тот же ответ: «Мы помочь ничему не можем, мы бессильны что-либо изменить, у нас нет для этого ни средств, ни возможности, лучшее, что мы можем сделать при этих условиях – оставаться в армии и выждать окончания разыгрывающихся событий или с той же целью ехать домой». Такая психология – занятие выжидательной позиции и непротивление злу, подмеченное мною, – была присуща командному составу не только нашей армии, ею оказалась охваченной большая часть и русского офицерства и обывателя, предпочитавших, особенно в первое время, октябрьской революции, т. е. тогда, когда большевики были наиболее слабы и неорганизованны, уклониться от

активного вмешательства с тайной мыслью, что авось все как-то само собой устроится, успокоится, пройдет мимо и их не заденет. Поэтому многие только и заботились, чтобы как-нибудь пережить этот острый период и сохранить себя для будущего. Можно сказать, что в то время их сознанием уже мощно овладела сумбурная растерянность, охватившая русского обывателя; они теряли веру в себя, падали духом, сделались жалки и беспомощны и, тщетно ища выхода, судорожно цеплялись иногда даже за призрак спасения. Чем другим можно объяснить, что во многих городах тысячи наших офицеров покорно вручали свою судьбу кучкам матросов и небольшим бандам бывших солдат и зачастую безропотно переносили издевательства, лишения, терпеливо ожидая решения своей участи⁷.

И только кое-где одиночки офицеры-герои, застигнутые врасплох неорганизованно и главное – не поддержанные массой, эти мученики-храбрецы гибли, и красота их подвига тонула в общей обывательской трусости, не вызывая должного подражания.

Пробираясь на Дон в январе месяце 1918 года, я был очевидцем такого героического поступка на станции Дебальцево. Красногвардейцы, обыскивая вагоны, вывели на перрон несколько человек, казавшихся им подозрительными в том, что они, по-видимому, офицеры и пробираются на Дон. На стенах станции пестрели приказы: «Всем, всем, всем», которыми предписывалось каждого офицера, едущего к «изменнику Каледину», расстреливать на месте без суда и следствия. Подступив к одному из них, комендант станции, полупьяный здоровенный солдат, закричал: «Тебя я узнал, ты с... капитан Петров, контрреволюционер и, наверное, едешь на Дон!» Он не успел закончить фразы, как маленький, щупленький и невзрачный на вид человек, к кому относились эти слова, выхватил револьвер и на месте уложил коменданта, а также и двух ближайших красногвардейцев, после чего сам пал под обрушившимися на него ударами. Чрезвычайно показательно, что другие арестованные застыли, как окаменелые, не использовав ни удобного момента для бегства, ни употребив для своей защиты оружие, которое, как оказалось, у них было. Они покорно стали у стены и были тут же расстреляны рядом со станционной водонапорной башней.

Я не знаю, был ли этот маленький, худенький человек действительно капитан Петров, но я должен сказать, что в моих глазах он был настоящий герой, большой русский патриот, который смело взглянул в глаза смерти. На суд Всевышнего он предстанет вместе со своими земными самозванными судьями, осмелившимися его судить за его патриотизм, за горячую любовь к Родине и честное выполнение им своего священного долга.

Мир праху Вашему, все такие чудо-храбрецы герои. С собой вы явили пример беспредельной неустрашимости, ибо, совершая такой поступок, Вы твердо были уверены, что идете на неминуемую гибель, пощады для Вас быть не могло. Вы ее не ждали, и Вы героически и красиво приняли самую смерть.

Вынужденное бездействие сильно меня тяготило. Ужасно было думать о России и томиться без дела в румынском городке, проводя время в ненужных спорах, в обществе столь же праздных офицеров. Меня все чаще и чаще назойливо преследовала мысль оставить армию, пробраться на Дон, где и принять активное участие в работе. Дальнейшее пребывание в армии, по-моему, было бесцельно, а бездействие – недопустимо. Из совокупности отрывочных сведений постепенно слагалось убеждение, что в недалеком будущем юго-восток может стать ареной больших событий. Природные богатства этого края, глубокая любовь казаков к своим родным землям, более высокий уровень их умственного развития в сравнении с общей крестьянской массой, столь же высокая степень религиозности, патриархальность быта, сильное влияние семьи, наконец, весь уклад казачьей жизни, чуждый насилию и верный вековым казачьим обы-

⁷ По приблизительному подсчету в крупных городах Украины в конце 1917 г. и в начале 1918 г. скопилось офицеров: в Киеве 35–40 тыс., в Херсоне – 12 тыс., Симферополе – 9 тыс., Харькове – 10 тыс., Минске – 8 тыс., Ростове около 16 тыс.

чаям и традициям, – все это, думал я, явится могучими факторами против восприятия казачеством большевизма.

Уже тогда в нашем представлении Дон был единым местом, где существовал порядок, где власть, как мы слышали, была в руках всеми уважаемого патриота ген. Каледина.

Мне казалось, что Донская земля скоро превратится в тот район, где русские люди, любящие родину, собравшись со всех сторон России, плечо о плечо с казаками, начнут последовательное освобождение России и очищение ее от большевистского наноса. При таких условиях, конечно, долг каждого быть там и принять посильное участие в предстоящем большом русском деле, а не сидеть в армии, сложа руки и выжидать событий под защитой румынских штыков.

О своем решении оставить армию я в средних числах ноября доложил командующему армией ген. Келчевскому, подробно мотивируя ему причины, побуждавшие меня на это. Анатолий Киприянович выслушал меня очень внимательно, но, к глубокому моему удивлению, не высказал ни одобрения, ни порицания моему решению. Мое заявление он встретил равнодушно и выразил лишь сомнение в благополучном достижении мною пределов Донской области.

Помню, точно такое же безразличие я встретил и со стороны начальника штаба ген. В. Тараканова и большинства моих сослуживцев. Только в лице 2–3 из них я нашел сочувствие моему решению, что послужило мне большой моральной поддержкой для приведения в исполнение моего замысла. Чрезвычайно были характерны и не лишены исторического интереса рассуждения большинства моих соратников по поводу моего отъезда, являвшиеся отражением тогдашнего настроения огромной массы нашего офицерства. В главном, они сводились к тому, что-де на Дону казаки ведут борьбу с большевиками, Поляков – казак и потому, если он желает, пусть едет к себе. Именно такова была тогда психология нашего офицерства, и лучшим доказательством этого служит то, что несколько позднее из целого Румынского фронта, насчитывавшего десятки тысяч офицеров, полковнику Дроздовскому удалось повести на Дон только несколько сотен. Остальная масса предпочла остаться и выжидать, или распылиться, или отдаться на милость новых властелинов России, а часть даже перекрасилась если не в ярко-красный, то, во всяком случае, в довольно заметный розовый цвет.

Возможно и то, что не всякому было по силам оставить насиженное место или лишиться заслуженного отдыха после войны и с опасностью для жизни снова спешить куда-то на Дон, в полную неизвестность, где зовут выполнять долг, но не обещают ни денег, ни чинов, ни отличий.

В разговоре со мной ген. Келчевский между прочим предупредил меня о том, что поезды, идущие на Дон, тщательно обыскиваются, офицеры и вообще подозрительные лица арестовываются и нередко там же на станциях расстреливаются. На это я ответил, что все это мне кажется сильно преувеличенным. Опасные места можно обойти и все-таки добраться до Новочеркасска. Кроме того, продолжал я, говорят, будто бы в Киеве существует особая организация, облегчающая офицерам переезд на Дон в казачьих эшелонах.

«В таком случае, – сказал Анатолий Киприянович, – в добрый час, авось уводимся». И действительно, этим словам суждено было сбыться. Примерно через год А. К. Келчевский прибыл на Дон, после неудавшегося посещения штаба Добровольческой армии. Там он оказался нежелательным за свое пребывание на Украине и за попытку работать при гетмане Скоропадском. Будучи уже в это время начальником штаба Донских Армий, я принял в нем самое горячее участие и предложил ему занять должность начальника штаба наиболее важного – Восточного фронта, на что он охотно и согласился.

В двадцатых числах ноября я стал готовиться к отъезду. Официально считалось, что я еду в отпуск к родным на Кавказ. Для сокращения времени было очень удобно автомобилем доехать до Каменец-Подольска, а оттуда уже по железной дороге до Киева. Но вопрос этот осложнился тем, что автомобильная команда штаба армии уже вынесла постановление не давать

офицерам автомобилей, за исключением случаев экстренных служебных командировок. Само собой разумеется, моя поездка никак не могла подойти под «экстренную», но тем не менее я решил попытать счастья, учитывая то, что мой шофер и его помощник, обслуживавшие меня в течение долгого времени, как я мог заметить, по-прежнему относятся ко мне, сменив лишь обращение, «Ваше Высокоблагородие» на «Г-н Полковник». Взяв телефонную трубку, я позвонил в автомобильную команду штаба и, назвав себя, спросил, кто у телефона. Услышав ответ – дежурный писарь, я привычным тоном, как то всегда делал, сказал: «Передайте кому следует, чтобы завтра к 8 часам утра к моей квартире был бы подан мой автомобиль, поездка дальняя, бензину необходимо взять не менее 6 пудов, а также и запасные шины». К своему удивлению, я услышал, как и раньше, обычное «слушаюсь». Я вспоминаю этот случай для того, чтобы показать, как иногда крикливые постановления делались командами только с целью создать шумиху и не прослыть отсталыми и как часто воинские чины, услышав привычное и знакомое им приказание, забывали вынесенные резолюции и выполняли то, что делали раньше и к чему были приучены. Но все же, надо признаться, уверенности, что я завтра получу автомобиль, конечно, у меня не было, и я все время томился мучительными сомнениями. В приготовлениях к отъезду и прощании с друзьями, незаметно прошел день. Когда же все уже было готово, мне стало как то не по себе, сделалось ужасно грустно и не хотелось покидать армию, с которой, проведя всю кампанию, я успел сродниться. Невольно меня охватило жуткое чувство перед неизвестностью, стало страшно отрываться от насиженного места и одному пускаться в путь, полный опасности, неожиданности и препятствий. И, помню, как сейчас, понадобилось огромное усилие воли, чтобы совладать с собой и побороть колебание. Вся ночь прошла в анализе и оценке этих, неожиданно нахлынувших, переживаний. Около 8 ч. утра мои грустные размышления были прерваны шумом мотора, подкатившего к дому. Сомнения рассеялись, отступление быть не могло, надо было садиться и ехать.

Наступил последний момент трогательного прощания с моим верным и преданным вестовым, Лейб-Гвардии Павловского полка, Петром Майровским, состоявшим при мне еще в мирное время. Он не мог сдерживать слез и плакал, как ребенок. На его попечение я оставлял все свои вещи и коня, а конного вестового А. Зязина, столь же преданного, брал с собой в виде телохранителя до Киева, намереваясь оттуда отпустить его в Петроградскую губернию, где у него была семья. Наконец все было готово, и мы двинулись в путь. С чувством тяжелой грусти я навсегда оставлял родную мне армию, сердце болезненно сжалось при мысли, что никогда уже не придется увидеть ее, как некогда мощную, гордую, в полном блеске ее славы одержанных побед. В голове одна за другой мелькали картины славного прошлого, свидетельствовавшие о бесконечно дорогом, светлом и несравненно лучшем, чем была горькая действительность. Автомобиль быстро нес меня в неизвестность, где меня ждали приключения, или подвиги, или авантюры, будущее скрывалось непроницаемой завесой.

По пути заехал за подпоручиком А. Овсянником, офицером связи штаба нашей армии, братом моей невесты, ехавшим, как и я, в «отпуск». К вечеру благополучно добрались до Каменец-Подольска. На станции застали обычную картину: толпы утративших воинский вид полупьяных солдат хозяйничали на вокзале. В воздухе висела отборная брань, смех, крик, раздавались угрозы по отношению к растерявшейся и запутанной администрации дороги. Продолжительная интервенция моих шоферов и вестового Зязина, выразившаяся временами в довольно откровенной перебранке, временами в таинственном нашептывании наиболее активным товарищам, увенчалась успехом, и я с подпор. Овсянником были водворены в малое купе I класса, перед дверью которого, в коридоре, в виде цербера растянулся мой вестовой.

Здесь, кстати сказать, я впервые на деле увидел явные достижения октябрьской революции, столь импонировавшие толпе и низам населения. Не было ни контроля документов, ни билетов. Каждый ехал там, где ему нравилось и куда он хотел, как свободный гражданин самого свободного в мире государства. Главари революции правильно учли психологию черни

и отлично поняли, что такими видимыми подачками создадут из подонков общества ярых себе приверженцев. Я не буду останавливаться на описании этого путешествия. Длилось оно около 3 суток. Отмечу лишь, что первое время после отхода поезда неоднократно были попытки проникнуть в наше купе, но мало-помалу они прекратились. Дело в том, что мой вестовой, Зязин, подкупив наиболее буйных товарищей – кого колбасой и салом, кого папиросой, кого какими-то обещаниями, – завоевал себе привилегированное положение, и уже до самого Киева я ехал, никем не тревожимый, несмотря на то, что мой спутник сошел на половине пути и я оставался в купе один.

Утром 1 декабря 1917 г. поезд подошел к Киеву. В Киеве я пробыл 5 дней, тщетно добывая нужных иноформаций, а также выясняя наиболее простой и безопасный переезд в Донскую область. К сожалению, ни то ни другое успехом не увенчалось. Везде была невообразимая сутолока и бестолочь. Киев с внешней стороны, как мне казалось, изменился к худшему. Прежде всего, бросилось в глаза, что темп его знакомой, старой, беспечной и веселой жизни – бьется еще сильнее. В то же время поражала безалаберность и роскошь этой жизни. Кафе, рестораны и разные увеселительные заведения были полны посетителей, начиная от лиц весьма почтенных и незапятнанных, во всяком случае, в прошлом и кончая субъектами, репутация коих раньше, а теперь особенно была крайне сомнительна. За столиками, разряженные, подмалеванные и оголенные женщины в обществе многочисленных поклонников, беззаботно проводили время, и их веселый говор, смех, стук посуды и хлопанье открываемых бутылок изредка заглушался звуками веселой музыки. А над окнами, залитыми светом электричества, на тротуарах и улицах шумела праздная, завистливая, по составу и одеянию, порой чрезвычайно вычурному и фантастическому, пестрая толпа. Все куда-то шло, передвигалось, спешило, все жило нервной сутолокой большого города. Весь этот человеческий улей гудел на все лады. В воздухе стоял непрерывный шум от разговоров, восклицаний, смеха, трамвайных звонков, топота лошадей и резких автомобильных сирен.

Не кто иной, думал я, наблюдая эту картину, как такая бессмысленная, глумливая толпа делала русскую революцию.

Разве не вооруженная толпа дезертиров, черни и вообще подонков общества, науськиваемая на офицеров и других граждан, стоявших за поддержание порядка, начала углублять революцию, кровожадно и жестоко уничтожая и сметая все на своем пути. Ведь еще со времен древней Византии толпа осталась верной самой себе: коленопреклоненная и униженная перед победителем и сильным, она, как зверь, бросалась, мучила и безжалостно терзала низверженного.

Многие ли серьезно отдавали себе отчет в том, что происходит. Мне часто приходилось слышать заявления, что революция – бессмысленный бунт, нарушивший нормальное течение жизни, однако и внесший в нее что-то новое, но пройдет какой-то срок и все само собой устроится, войдет в старую колею, а о революции сохранятся только рассказы да легенды. Другие, наоборот, считали, что все безвозвратно погибло и уже непоправимо. Под гнетом грядущей неминуемой гибели, они беспомощно метались, лихорадочно спеша использовать последние минуты возможных земных наслаждений. И только немногие, как редкое исключение, одушевленные любовью к родине и святостью исполнения своего долга, ясно представляли себе обстановку. В годину стихийного российского бедствия, они не растерялись, не пали духом, в них ярко горела глубокая вера в светлое будущее, и они предпочитали умереть, нежели добровольно отдаться под пяту восставшего хама. Как паломники, голодные, оборванные, эти одиночки, со всех концов земли пробирались сквозь гущу осатанелых людей к светлому маяку – Донской земле.

Не будет ошибочным утверждать, что на каждые 10 человек киевской массы приходился один офицер. Я уже указывал, что в Киеве в это время осело около 35–40 тыс. офицеров, из коих подавляющее количество большевистский натиск встретило пассивно, с чисто христи-

анским смирением. Оторванные при весьма трагических обстоятельствах от твоего привычного дела, оставленные вождями и обществом, привыкшие всегда действовать лишь по приказу свыше, а не по приглашению, наши офицеры в наиболее критический момент были брошены на произвол судьбы и предоставлены самим себе... Начались злостные нападки и беспощадная их травля... Они растерялись... Запуганные и всюду травимые, ставшие ввиду широко развившегося провокаторства крайне подозрительными, они ревниво таили свои планы будущего, стараясь каким-либо хитроумным способом сберечь себя во время наступившего лихолетия и будучи глубоко уверены, что оно скоро пройдет и они вновь понадобятся России.

Злободневной темой в Киеве была украинизация, она входила в моду, ею увлекались, она захватила видимое большинство и находила отражение даже в мелочах жизни. Все вне этого отодвигалось на задний план. Неукраинское, как отжившее и несовременное, преследовалось: нельзя было, например, получить комнату, не доказав своей лояльности к Украине и не исхлопотав предварительно соответствующего удостоверения в комендатуре. Благодаря знакомствам и старым друзьям, ставшим уже ярыми и щирыми украинцами, мне легко удалось преодолеть эти формальности, но далее дело не двигалось. Зайдя однажды в комендантское управление, я стал наводить справки о том, каким путем скорее и без особых процедур можно получить нужные мне удостоверения. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что во главе наиболее важных отделов стоят мои хорошие знакомые и даже друзья. Встретив одного из последних, мы оба искренно обрадовались, и первые мои слова были: «Да разве ты украинец? Когда ты стал таковым?» Увидев, что мы одни в комнате, он, смеясь, искренне сказал:

«Такой же украинец, как ты абиссинец, суди сам: случайно я очутился в Киеве, есть надо, а денег нет. Искал службу и нашел здесь, но должен изображать из себя ярого украинца, вот и играю». Бесхитростная, ничем не прикрытая голая правда.

По несколько раз в день я посещал вокзал, надеясь, что именно там легче всего ориентироваться, особенно если встретишь знакомых, приехавших с юга. Поезда на юг, в частности на Ростов, не шли. Станция представляла сплошное море воинских эшелонов, ожидавших отправки. Сообщение с югом поддерживалось лишь на небольшом сравнительно расстоянии, эшелоны дальнего следования оставались в Киеве. Измученный бессонными ночами, задержанный и сбитый с толку грубыми требованиями солдат и нетерпеливой публики, комендант станции на многочисленные вопросы, сыпавшиеся на него, давал охрипшим голосом сбивчивые, несвязные и неудовлетворительные объяснения, что не только не вносило умиротворения, но еще сильнее разжигало страсти всей огромной массы, осевшей на вокзале. Видно было, что и сам комендант не знает причины задержки эшелонов и поездов южного направления и потому, естественно, не может удовлетворить любопытство нетерпеливой публики. Но вот, мало-помалу, сначала неуверенно, а затем уже определенно стали утверждать, что поезда не идут потому, что Каледин с казаками ведет бой с Ростовскими большевиками, восставшими против него. Как затем подтвердилось, эти слухи отвечали истине. Действительно, в эти дни решалась судьба Ростова, и только благодаря своевременному участию добровольцев ген. Алексеева положение было восстановлено и Ростов остался за казаками.

Вместе с тем, приехавшие с юга подтвердили известие о том, что ген. Алексеев бежал на Дон, где формирует армию и приглашает всех добровольно вступить в ее ряды.

Одновременно, распространился слух, будто бы ген. Корнилов, после неудачного столкновения конвоировавших его текинцев с большевиками, отделился от них и тайно пробирается на Дон.

Если слухи о генералах Алексееве и Корнилове были довольно определенны, то далеко не так стоял вопрос о положении в Донской области. Здесь радужные надежды одних тесно переплетались с отчаянием и безнадежным пессимизмом других. По одним сведениям, ген. Каледин уже сформировал на Дону большую казачью армию и готов двинуться на Москву. Поход откладывается из-за неготовности еще армии ген. Алексеева, технически богато снаб-

женной, но численно пока равной армейскому корпусу. На Дону всюду большой порядок, и это особенно чувствуется при переезде границы. Ощущение таково, будто попадаешь в рай. Поезда встречаются офицерами в «погонах», производящими контроль документов и сортировку публики соответственно имеющимся билетам. Даже с матросами – красой революции происходит моментальная метаморфоза. Еще на границе области у них бесследно исчезает большевистско-революционный угар, и они как по волшебству превращаются в спокойных и дисциплинированных воинских чинов.

Стойкости, неустрашимости и сильному патриотическому подъему среди казаков при этом пелись хвалебные гимны. По мнению этих лиц, Дон обратился в убежище для всех гонимых и сборный пункт добровольцев, непрерывно стекающих туда со всех концов России. Так говорили одни, но, со слов других, картина рисовалась совершенно иная. Они утверждали, что казаки, распропагандированные на фронте и особенно в дороге, прибыв домой, становятся большевиками, расхищают и делят казенное имущество и с оружием расходятся по станицам, становясь будирующим элементом на местах. Каледина знать не желают, будучи против него крайне озлоблены за то, что он дает на Дону приют разным буржуям и контрреволюционерам. Вся воинская сила Каледина состоит из нескольких сотен главным образом молодежи – добровольцев.

Каледин, как Атаман, потерял среди казаков всякую популярность. Последнему обстоятельству в значительной степени способствовало неудачное его окружение, любящее только говорить да расточать сладкие словечки, а не умеющее ни работать, ни действовать энергично. Даже Ростовское восстание большевиков он не подавил бы, если бы ему не помог генерал Алексеев, но и у последнего никакой армии, кроме названия, нет; вместо нее один батальон добровольцев да несколько отдельных офицерских и юнкерских рот, плохо вооруженных и слабо снабженных.

Расположение в районе Новочеркасска и Ростова запасных солдатских батальонов, численно больших, прекрасно вооруженных и настроенных явно большевистски, крайне осложняет положение Каледина, и надо думать, что и его и Дона дни сочтены. В станицах казаки настроены против интеллигенции и офицеров, говоривших им, что революция – зло, а на самом деле она дала им свободу и эту свободу они будут защищать от посягательств всех контрреволюционеров. В заключение всего меня красноречиво убеждали не только не ехать, но раз и навсегда отбросить всякую мысль о поездке на юг. Наоборот, настойчиво советовали как можно дальше уйти от Донской области, дабы не попасть в кашу и не погибнуть в ней бесцельно. Большевики всюду поставили рогатки, ловят офицеров, едущих на юг, и согласно московским инструкциям на месте, без суда, зверски с ними расправляются.

При таких диаметрально противоположных слухах трудно было, даже введя известный коэффициент на паничность одних и на оптимизм других, хотя бы приблизительно представить себе, что творится в Донской области. Столь же противоречивы и скудны были и газетные сведения, по-видимому, имевшие тот же источник, т. е. рассказы очевидцев, приехавших с юга, разбавленные разве субъективными мнениями и различными предположениями газетных сотрудников. Во всяком случае, никакой существенной помощи для представления себе происходящего на юге газеты не оказывали. Несмотря на такую неопределенность обстановки я, тем не менее, не хотел отказаться от своего решения ехать на Дон и принять там, если нужно, лично участие. Во-первых, думал я, о Доне все время говорят, говорят, правда, разноречиво, но это и есть лучшее доказательство того, что там что-то происходит, а если так, то нужно туда ехать именно теперь и принести возможную помощь общему делу. Во-вторых, киевское настроение мне совершенно не внушало доверия. Обстановка казалась мне весьма неустойчивой и не обещавшей ничего хорошего. Поэтому оставаться здесь, да еще в качестве зрителя, было бы по меньшей мере неосмотрительно. Если суждено погибнуть, то лучше осмысленно, а не как случайная жертва. В этом случае, благоразумнее было бы вернуться в армию, где личная

безопасность гарантировалась присутствием румынских войск, т. е. поступить так, как сделали мои сослуживцы по штабу. Быть может, они правы, думал я, оставшись там. Живут в мирных условиях, спокойно, ожидая разрешения событий и будучи при этом материально обеспечены содержанием из довольно крупных сумм, оставшихся в распоряжении штаба. Такие размышления продолжались недолго. Однако, ввиду прекращения железнодорожного сообщения с югом, осуществить мое намерение в данный момент было невозможно. В силу этих обстоятельств, требовалось некоторое время выждать. Но сидеть в Киеве и ждать, когда возобновится сообщение, меня никак не устраивало, да и было рискованно остаться без копейки в кармане: жизнь стоила дорого, запаса денег у меня не было, зато искушения и соблазны встречались на каждом шагу. Рассчитывать же на какую-либо помощь было бы наивно. Взвесив все это, я пришел к выводу, что целесообразнее уехать из Киева в усадьбу матери моей невесты, находившейся в районе Хмельника, т. е. в нескольких часах езды от Киева, и там ожидать открытия железнодорожного сообщения, а кроме того, там же запастись поддельными документами, каковые, как мне казалось, при создавшихся условиях были крайне необходимы. Кроме того, мне нездоровилось, сильная простуда перешла в бронхит, что без медицинской помощи грозило неприятными осложнениями. 6 декабря я оставил Киев и в тот же день был в Хмельнике.

Находясь в стороне от главных железнодорожных артерий, Хмельник в то время не испытывал еще революционных потрясений и уклад его старой, мирной жизни, пока ничем нарушен не был. Тлетворное влияние революции его совсем еще не коснулось. В нем сохранились прежние условия и порядок, что обеспечивало мне некоторое время спокойную жизнь, а домашняя обстановка, заботы и уход врача быстро восстановили мое расстроенное здоровье. Но, как всегда, полного удовлетворения не бывает, так было и тогда: меня сильно огорчало то обстоятельство, что газеты были здесь особо редкой ценностью. Местные интересы жизни преобладали, все жили только ими, мало уделяя внимание всему остальному. Если случайно попадала киевская газета, то она тщательно прочитывалась включительно до объявлений, переходила из рук в руки и в довольно растерзанном виде иногда попадала ко мне. Естественно, при таких условиях кругозор моей осведомленности о юге не только не расширился, но, наоборот, сократился до крайности, и через несколько дней я потерял и то смутное представление о событиях на Дону, которое у меня было, когда я приехал в Хмельник.

За все время моего пребывания только раз лицо, приехавшее из Киева, передало мне как слух известие о том, что на Дон под видом больного солдата благополучно добрался ген. Корнилов, ставший тотчас же во главе армии, формируемой ген. Алексеевым. Туда же, ища спасения от большевистского гнева, бежали и все быховские узники, так как только Дон сохраняет еще порядок, и потому они могли быть уверены, что там они не подвергнутся самосуду и не будут растерзаны толпой. Других новостей до Хмельника не долетало. По мере того, как проходили дни, не принося мне ничего нового, утешительного, я нервничал все больше и больше, не зная, как поступить, на что решиться, — ехать ли сейчас или еще выждать. После долгих и энергичных настояний друзей, я уступил им и окончательно назначил свой отъезд после Нового года. Праздники прошли быстро, и незаметно наступило 2 января — день моего отъезда в жуткую неизвестность, полную опасностей и препятствий, что сильно беспокоило моих близких, и потому расставание с ними было крайне тягостное и даже мучительное. Скорбные их лица, глаза, полные слез, крепкие пожатия рук, трогательная предупредительность и забота, особый тон напутственных пожеланий, все это еще более увеличивало тяжесть переживаемого момента. Было как-то неприятно пускаться в далекий путь, в совершенно неизвестные условия, одному. Напрягая силу воли, дабы совладать с собой, не выдав волнения и подавив минутную слабость, я пытался утешать их, как мог, внутренне желая только одного: чтобы как можно скорее наступил решающий момент отъезда. Моему грустному настроению немало способствовало и холодное, сырое, с резкими порывами ветра, неприветливое январское утро. В пять часов утра мы были на станции, совершенно пустой. Наконец, все готово.

Вот и поезд какой-то неживой, еще спящий. Остановка одна минута. Пробуем открыть одни, другие двери, но безуспешно. Вдруг в салон-вагоне спускается стекло и показывается физиономия в матросской кепи. Не раздумывая прошу меня посадить, и через окно я – в вагоне, со мной и мои вещи – небольшой мешок-сверток. Поезд трогается. Там, вне, вдали мелькают платки, поднятые руки, я вижу слезы дорогих и близких мне, а здесь внутри – какие-то разношерстные, незнакомые люди; три-четыре интеллигентных, крайне измученных тяжелыми переживаниями и, видимо, бессонными ночами лица, несколько неопределенных солдатских физиономий; остальные – аристократы революции – матросы с наглыми, хамскими и зверскими мордами. В вагоне трудно было дышать. Воздух от ночного испарения нечистоплотных, скученных тел был невыносимо душноват. Мое намерение открыть окно встретило дикий вопль протеста. Пришлось примириться, дабы не вызвать нежелательных эксцессов.

По внешнему виду – бекеша не то военная, не то штатская, каракулевая шапка, высокие сапоги – я мог быть принят за среднего купца, спекулянта, кулака или подрядчика. Наличие в кармане свидетельства «неподдельного», а настоящего, с законными подписями и печатями на установленном бланке, удостоверяющем, что я, представитель Подольской губернской управы И. А. Поляков, командируюсь на Кавказ для закупки керосина для нужд названной губернии, придавало мне храбрости и уверенности в моей лояльности. Стоя у окна, держусь довольно непринужденно, всецело занятый своими грустными мыслями и внутренними переживаниями. Через несколько минут общее внимание, сосредоточенное до того времени на мне, сначала ослабевает, а вскоре и совершенно исчезает. К вечеру этого дня я опять в Киеве.

В городе было все то же, что и прежде. Только настроение стало как будто бы более напряженное, а жизнь еще беспорядочнее. Доказательства этому встречались на каждом шагу. Уличные инциденты участились, жадная до таких зрелищ праздная толпа сильно увеличилась. Увеличилось заметно и число солдат. Они группами демонстративно бродили по улицам, затрагивали публику, ели семечки, временами со смехом выплевывали шелуху в лицо проходящих, и проделки их оставались безнаказанными. Когда их внимание привлекалось кем-либо из идущих или проезжающих, витриной, домом, они останавливались и громко, без стеснения, весьма примитивно выражали свое удивление и восхищение, наоборот, неодобрение сопровождалось гиканьем, улюлюканьем, а подчас и уличной бранью. Трудно было определить, что привлекало их сюда и как попали они в Киев, но одно не подлежало сомнению, судя по их удивленным физиономиям, что многие из них в городе впервые.

В 10 часов вечера город совсем замирал. Как бы в предчувствии грозы, окна и двери тщательно закрывались, в домах тушился свет, электричество на улицах уменьшалось и город погружался в полумрак, принимая особо жуткий и зловещий вид. Лишь изредка таинственная тишина нарушалась бешено мчащимися автомобилями да редкой ружейной и пулеметной стрельбой, объяснить причину возникновения какой-либо никто не мог.

Киев жил сегодняшним днем, не зная, что будет завтра. Напряженность томительного ожидания углублялась фантастическими слухами, обычно появлявшимися к вечеру. Чувствовалась общая тревога в ожидании грядущего – неопределенного, неясного, но жуткого, все были в напряженно-нервном состоянии, но ночь проходила, наступал день, и ночные страхи рассеивались. Однако тревожное чувство за будущее не исчезало, становясь еще более сильным и мучительным. Атмосфера была донельзя сгущенная, напоминавшая ту, которая обычно предшествует грозе: когда небо не совсем покрыто тучами, временами показывается даже солнце, но тем не менее воздух уже тяжел, дышится трудно, чувствуются невидимые, но осязаемые признаки, бесспорно говорящие, что будет гроза, и люди, боясь непогоды, спешат домой, а животные инстинктивно ищут укрытия.

За большие деньги далеко от центра мне удалось найти маленькую конуру в отвратительной и подозрительной на вид гостинице. Не желая засиживаться в Киеве и терять время, я энергично принялся готовить свой отъезд. На этот раз сведения, полученные мною на вокзале,

были несколько утешительнее, чем прежде. Сообщение с югом поддерживалось, хотя нерегулярно. Неизвестно было только, доходят ли поезда до места своего назначения или нет. На станции Киев ожидало отправки несколько казачьих эшелонов. После неоднократных попыток, сначала, правда, неуспешных, мне в конце концов удалось отыскать казачье бюро, заботившееся проталкиванием казачьих эшелонов на юг и нелегально содействовавшее и отправке офицеров, выдавая им особые квитанции на право следования в этих эшелонах. Эти маленькие квитанции, как я узнал позже, офицеры прозвали «бесплатными билетами на тот свет». Такое название объяснялось тем, что офицеры, пойманные в дороге с этими удостоверениями, беспощадно уничтожались большевиками как контрреволюционеры. Начальника этого бюро я не застал, но его помощник, которому я назвал себя и объяснил цель моего посещения, весьма любезно и предупредительно поделился со мной сведениями о Доне. К сожалению, его осведомленность о тамошних событиях не была особенно полна и многое ему совсем не было известно. Он подтвердил лишь, что на Дону идет ожесточенная борьба с большевиками. Атаман Каледин тщетно зовет казаков на эту борьбу, но его призыв не находит у них должного отклика. Главной причиной такого настроения среди казаков являются «фронтовики». Еще до Киева они сохраняют видимую дисциплину и порядок, но затем, по мере приближения к родной земле, они подвергаются интенсивной большевистской пропаганде многочисленных агентов советской власти, осевших на всех железных дорогах. В результате такой умелой обработки на длинном пути казаки уже в дороге приучаются видеть в лице Каледина врага казачества и источник всех несчастий, обрушившихся на Донскую землю. Искусно настроенные и озлобленные против своего Атамана и правительства, фронтовики, прибыв на Дон, выносят резолюцию против Каледина и демонстративно расходятся по станицам с оружием и награбленным казенным имуществом. По его словам, проехать в Новочеркасск весьма затруднительно, ибо большевистские шпионы зорко следят за всеми едущими на юг.

«Я дам вам удостоверение, добавил он, для следования в казачьих эшелонах, но имейте в виду, что большевики часто обыскивают эшелоны, отбирают у казаков оружие и попутно вылавливают посторонних, и, конечно, с ними не церемонятся. Следует все время быть начеку, держаться дальше от казаков, не вызывая у них излишнего любопытства и, по возможности, избегать тех эшелонов, которые еще не разоружены и, следовательно, подлежат обыску». Эти указания я выслушал очень внимательно, стараясь запомнить каждое слово. Помню, во время нашего разговора, в комнату несколько раз входил и возился у печи какой-то субъект, одетый в полувоенную форму. Его внешний вид и особенно хитрая и на редкость неприятная физиономия произвели на меня сразу отталкивающее впечатление, и каждый раз при его появлении в комнате я инстинктивно настораживался. Однако, полагая, что это вестовой, служащий здесь, я не расспросил о нем офицера, о чем после мне пришлось пожалеть, ибо в скором времени этот незнакомец сыграл видную роль в моей жизни.

Здесь же я познакомился с молодым офицером, поручиком С. Щегловым, пришедшим сюда как и я, за информацией. Слыша, очевидно, наш разговор, он подошел ко мне, представился и очень настойчиво стал просить взять его с собой на Дон. Искренность его тона, убедительные доводы, выражение лица, горящие добрые глаза невольно вызвали к нему симпатию и в то же время не оставляли никакого сомнения в непоколебимости его желания во что бы то ни стало попасть к Каледину. Слово за слово, мы разговорились. Оказался он начальником пулеметной команды, которую привез с собой в Киев с тайным намерением вместе с нею пробраться на юг. Люди команды были надежные, большевизм к ним не привился, его любили и слушали, но мечте его все же не суждено было осуществиться. По прибытии в Киев, не получая долго разрешения на дальнейшее следование, команда подверглась большевистской пропаганде. Ее результаты сказались быстро. Команда вышла из повиновения, люди разошлись, имущество частью расхитили, частью бросили на произвол судьбы. Предоставленный самому себе, в чужом большом городе, без дела, далеко от дома, в обстановке, чрезвычайно сложной и

противной его натуре, пор. С. Щеглов, еще совсем мальчик, не хотел, однако, мириться с горькой действительностью, мечтая быть там, где, зовя на смертный подвиг, ему чудился трубный звук похода. В тот же день он посетил меня и в течение нескольких часов делился со мною сведениями и слухами, впечатлениями о Киеве и строил широкие, фантастические планы будущего. Захлебываясь от восторга, он увлекательно рисовал перспективы нашего путешествия, гордился предстоящим риском и здесь же предлагал и разные рецепты. Жил он с несколькими офицерами, которые, по его словам, охотно поехали бы на Дон вместе со мной. Я обещал зайти на следующий день и переговорить по этому вопросу. В небольшом номере довольно приличной гостиницы в условленное время я застал, кроме пор. С. Щеглова, старого ротного командира капитана Т., уральского войска есаула К. и прапорщика, студента, кажется, Харьковского университета, М. В комнате от присутствия 4 человек, к тому же, вероятно, не убравшейся в течение нескольких дней, царил ужасный беспорядок. Предметы военного снаряжения, солдатского образца полушубки, ранцы, подсумки, винтовки, револьверы, рассыпанные всюду патроны, наконец, даже седла заполняли собой маленькую комнату, делая из нее какой-то военный цейхгауз. Но надо сказать, кажущаяся воинственность обстановки и наличие оружия мало гармонировали с видом ее обитателей. По существу, они были весьма мирные, безобидные и далеко не воинственные люди. Особенно это было применимо к капитану и есаулу. Первый – отец многочисленного семейства, оставшегося где-то в далекой Сибири, во всяком случае, вне возможной к нему досягаемости, при существовавших тогда обстоятельствах – прошел тридцатилетнюю и суровую школу военной службы провинциального пехотного офицера. Вне этой службы, жизни он не представлял и потому, хотя и мало веря в будущее и будучи настроен весьма мрачно, он считал единственно приемлемым – ехать туда, где идет борьба. Второй – есаул, глубокий пессимист задавался целью пробраться к себе на Урал и там, в зависимости от обстановки, как сам он выразился, «определиться». Полную противоположность им составляли пор. С. Щеглов и прапорщик М. Молодые, веселые, жизнерадостные, они искренно гордились возможными опасностями, красочно рисуя себе будущее и лелея мечту, что, попав на Дон, они станут под стяг Каледина или Корнилова. Это были настоящие представители нашей героической золотой молодежи, которая без малейшего колебания, без торга и корыстных мотивов, не спрашивая лозунгов борьбы, не ставя никаких условий, гордая лишь выпавшей на нее задачей защищать дорогую, поруганную Родину, первая составила крепкий остов небольших, но сильных духом донских и добровольческих отрядов и с чисто юношеским задором и порывом беззаветно несла на алтарь отечества самое главное – свою жизнь.

Мой приход, видимо, смутил всех. Сначала чувствовалась какая-то неловкость, но она быстро прошла, и через несколько минут разговор принял дружеский и откровенный характер.

Перебивая один другого, они спешили рассказать мне о своей прежней службе, о пережитом на фронте, переезде в Киев и мытарствах здесь, наконец, о своем желании проехать на юг, к казакам, при этом добавили, что отъезд свой они откладывали изо дня в день, пока поручик Щеглов не принес им приятной новости, что они могут ехать вместе со мной.

Сознавая огромную нравственную ответственность, которая была бы на мне, я заявил им, что при создавшейся обстановке я абсолютно не могу гарантировать им благополучный переезд в Новочеркасск. «Вам отлично известно, что большевики всемерно препятствуют проникновению офицеров в Донскую землю и пойманным пощады ждать, конечно, не приходится. Поэтому в нынешних условиях путешествие на Дон сопряжено с большими опасностями. Каждый из вас, без сомнения, отдает себе в этом отчет. Что касается лично меня, то я еду, вне зависимости, едете ли вы или нет, ибо, по моим убеждениям, долг каждого офицера быть сейчас там, где идет борьба с большевиками. По-моему, лучше, если суждено погибнуть, то погибнуть там с оружием в руках, нежели сидеть здесь без дела или в ином месте и ожидать своей участи стать очередной жертвой озверелой толпы пьяных солдат или рабочих».

«Итак, господа, – закончил я, – ни ручаться, ни гарантировать я вам ничего не могу, предо мною будущее столь же темно, как и перед Вами. Если судьбе угодно, мы, быть может, благополучно проберемся в Донскую землю, но не исключена возможность, что нас поймают, и тогда жестокая расправа с нами неминуема».

Несмотря на то что я умышленно сгущал краски, дабы они яснее представили себе опасность и вдумчивее отнеслись к принятию решения, они, внимательно выслушав меня, категорически заявили, что и при этих условиях они все равно поедут. Такое их решение я искренне приветствовал.

Отъезд назначили на следующий день, 8 января. Было условленно ехать в казачьих эшелонах, но, если таковые не шли бы, то не откладывать свой отъезд, а отправляться первым пассажирским поездом и уже в пути присоединиться к казакам. Выяснение этих вопросов взял на себя С. Щеглов. Принесенные им сведения дали мало утешительного. О дне отправки казачьих эшелонов ему узнать не удалось, ввиду чего мы решили ехать пассажирским поездом, идущим на Екатеринослав через Знаменку.

Весь день 8 января прошел в ликвидации ненужных вещей, в заготовке поддельных документов, в чем сильно помог пор. Щеглов, предусмотрительно запасшийся бланками и печатью своей пулеметной команды, и, наконец, в подборе одеяния, соответствующего документам.

Маскарад наиболее удался пор. Щеглову и есаулу Т., менее капитану и прапорщику, и только я остался, как и раньше, в полубуржуйской одежде, как и подобало представителю губернской управы по закупке керосина.

Я без смеха не мог смотреть на Сережу, который в заплатанном солдатском полушубке, издававшим ужасный специфический запах, в рваных сапогах, ухарски заломленной фуражке с полуоторванным козырьком – производил отталкивающее впечатление, напоминая собою заправского, распушенного солдата-большевика.

Предугадать все случайности в пути и хотя бы приблизительно предвидеть ту обстановку, в которой мы могли очутиться, было, конечно, немислимо. Поэтому условились только основательно забыть о чинах, ехать по возможности парами, друг друга называть по именам и в случае каких-либо осложнений с кем-либо не выдавать других, утверждая, что знакомство произошло случайно в пути.

Около 9 час. вечера мы были на вокзале. За большую взятку носильщик согласился указать нам стоявший примерно в полуверсте от станции состав, который в 11.30 вечера должен быть отправлен на Екатеринослав. Нашему разочарованию не было границ, когда, добравшись до поезда почти за 3 часа до отхода, мы нашли его уже битком набитым чрезвычайно пестрой публикой.

После энергичных поисков нам удалось отвоевать одно отделение III класса и кое-как разместиться. Публика прибывала ежеминутно и в буквальном смысле слова со всех сторон облепила вагоны, размещаясь даже и на крыше. В нашем отделении вместо положенных 6 человек вскоре оказалось четырнадцать. Нас пять, две сестры милосердия, четыре по виду мирных солдата, какая-то старушка и двое штатских. Часть разместились на полу, были заняты все проходы, уборную солдаты обратили в купе, тем самым лишив публику возможности ею пользоваться. Вагоны не отапливались. Однако холода мы не испытывали, ибо ужасная скученность человеческих тел, сидевших и лежавших одно на другом, их усиленное испарение и нездоровое дыхание делали температуру теплой и одновременно зловонной.

В момент подачи нашего состава к перрону на поезд произошла настоящая атака людей, не попавших в него предварительно, как мы. Воздух огласился отчаянными криками, ругательствами, проклятиями. В ход были пущены штыки, приклады, послышался звон разбиваемых стекол, и в каком-то диком исступлении люди лезли со всех сторон, через двери и окна. Несколько человек ворвалось и к нам. Не найдя места не только сесть, но даже стать, они застыли в каких-то неестественных акробатических положениях, уцепившись одной рукой за

полку, уже и без того грозившую обрушиться под тяжестью нескольких человек, сидевших на ней, и ногой упершись в колено или грудь внизу лежавших. Мы дружно запротестовали и, несмотря на ругательства и угрозы, совместными усилиями выпроводили новых пришельцев и сообщая с солдатами, бывшими с нами, приняли меры не допускать больше никого в наше отделение.

Около полуночи поезд наконец двинулся. Не описывая подробно этого путешествия, скажу только, что длилось оно трое суток, и ночью 10 января поезд пришел на станцию Знаменка. Все это время мы не могли сомкнуть глаз, вынужденные сидеть в одном и том же положении, отчего члены совершенно окоченели, страшно ныли и мы едва держались на ногах. О передвижении по вагону нельзя было и думать. Сообщение с внешним миром происходило через окно и то в крайнем случае, на малых станциях, дабы не дать повода и другим, тщетно пытавшимся попасть в поезд, воспользоваться тем же путем. Несмотря на присутствие женщин, солдаты отправляли естественные потребности здесь же в вагоне на глазах всех, используя для этого свои ранцы, котелки или фуражки. Хамские выходки и нецензурные ругательства уже не резали ухо, с этим все как-то свыклись.

Еще в пути мы условились сойти на ст. Знаменка, передохнуть, выждать казачьи эшелоны и с ними следовать далее.

Было около 2 часов ночи, когда поезд подошел к ст. Знаменка, кипевшей публикой, подавляющее большинство которой составляли солдаты. Станцией владели украинцы.

Не успели мы выйти из вагона и смешаться с толпой, как эта последняя стала проявлять признаки странного и непонятного для нас беспокойства. Мало заметное в начале волнение быстро перешло в настоящую панику. Раздались крики: «большевики, большевики», и публика бросилась врассыпную, куда попало, толкая и опережая один другого. Как бы спасаясь от невидимого врага, с резким свистом двинулся и наш поезд. Мы словно оцепенели, смотря на это паническое бегство людей, не видя большевиков, не зная истинной причины происшедшего и только напряженно соображая, как лучше нам поступить: остаться или тоже скрыться. В этот критический момент какая-то темная фигура, вынырнув словно из-за угла и быстро пробегая по перрону, видимо, обратила на нас внимание. Подойдя ко мне почти вплотную и всмотревшись в полумраке в мое лицо, незнакомец тихо, но довольно внятно сказал: «Г-н полковник. Вам оставаться здесь опасно. Вы видели, как украинская стража бросила станцию и побежала. Сейчас сообщено по телеграфу, что матросский карательный эшелон через несколько минут прибывает на станцию с целью навести здесь революционный порядок. Я могу укрыть вас в местечке, где имею комнату, но надо торопиться». Можно себе представить мое изумление, когда я услышал все это и особенно, когда в говорившем узнал не кого другого, как субъекта из казачьего бюро в Киеве, наружность которого еще тогда произвела на меня отвратное впечатление. На раздумывание времени не было, приходилось немедленно соглашаться или отвергнуть предложение. Голова усиленно работала: мне казалось, что если это ловушка, то мы легко можем избавиться от нее раньше, чем он приведет в исполнение свой замысел. «Я не один, – заявил я, – со мной четыре приятеля». – «Они тоже могут идти с вами», – ответил незнакомец.

Через минуту мы гуськом уже шагали по узким, грязным и темным закоулкам еврейского местечка, прилегающего к ст. Знаменка, за незнакомцем, которого, кстати сказать, успел рассмотреть и узнать и пор. Щеглов. После получасовой ходьбы достигли маленького, мрачного домика, входную дверь которого открыл наш гид, приглашая нас войти. Комната, куда мы попали, была совершенно изолирована и почти пуста. Кроме двух-трех стульев, маленького дивана да одного стенного надбитого зеркала, в ней ничего не было. Зажженный огарок дополнил убожество обстановки.

«Здесь вы в полной безопасности», – сказал наш проводник. – «Сейчас я должен идти и только утром смогу вернуться к вам, чтобы рассказать обо всем, что произойдет на станции».

С этими словами он, сделав общий поклон, быстро скрылся.

Оставшись одни, мы осмотрелись, обменялись впечатлениями, немного взгрустнули, разочарованные, что вместо столь ожидаемого отдыха, нас постигло неприятное приключение, а затем беззаботно растянулись на полу, каждый предавшись своим мыслям. Но, не успели мы еще крепко заснуть, как были внезапно разбужены сильной стрельбой, каковая в первый момент, нам казалось, происходит в непосредственной от нас близости. Действительно, скоро не было сомнений, что стрельба идет в соседней с нами комнате и, судя по ее темпу и силе, из нескольких винтовок одновременно. Растерявшись от неожиданности, мы притаились, наспех приготовили оружие, мысленно упрекая себя, что попались на удочку и позволили какому-то проходимцу так легко себя одурачить и заманить в ловушку... Вскоре стрельба стихла. Наступила тишина, но сон пропал. В комнате стало светать, и причудливые вначале очертания предметов стали принимать естественную форму.

Сережа Щеглов пошел на разведку. Вернувшись, он нас обрадовал, заявив, что в местечке спокойно и никаких, как ему показалось, большевиков нет. Почти вслед за ним появился и наш незнакомец. По его словам, ночная тревога была совершенно ложной. Вместо карательного большевистского отряда на станцию прибыло два казачьих эшелона, 11-го Донского полка и отдельной казачьей сотни, в каковые мы, он считает, можем поместиться и спокойно продолжать путь дальше. «Я знаю, – прибавил он, – что ночью вы, вероятно, были встревожены стрельбой украинского караула, помещавшегося в соседней с вами комнате. Вчера я забыл предупредить вас об этом; ночью же, караул, по не выясненным еще причинам, но, очевидно, считая, что станция и часть местечка заняты большевиками, открыл частый огонь, в результате чего из жителей было двое убито и несколько ранено». Поблагодарив его за эти сведения и за ночлег, мы все же сочли за лучшее немедленно отправиться на вокзал и обеспечить себе возможность дальнейшего следования.

При нашем появлении на станции нам бросились в глаза казачьи эшелоны, вокруг которых деловито возились казаки, делая уборку лошадей и совершая свой утренний туалет. Заметно было, что они держатся вблизи своих вагонов, не смешиваясь с вокзальной публикой.

Командир отдельной сотни, молодой сотник, к которому я обратился с просьбой принять меня и моих спутников в его эшелон, весьма приветливо и сочувственно отнесся ко мне, но откровенно ответил, что без предварительного согласия своих казаков, находящихся в теплушке, в которой он едет, он не может исполнить мою просьбу. «Я уверен, г-н полковник, что они согласятся, – добавил он, – тем более что вы наш, казак». Его переговоры быстро увенчались успехом, и через несколько минут мы уже были в теплушке, располагаясь на отведенных нам местах. В ней размещались главным образом казаки старики-староверы. Никогда из моей памяти не изгладится искреннее чувство признательности и глубокой благодарности за ту заботу и трогательную услужливость, которые проявили ко мне эти рядовые казаки. С чисто отцовской заботливостью они, словно соперничая один перед другим, наперерыв старались предугадать и выполнить мое желание. Чуткой казачьей душой они инстинктивно сознавали неестественность создавшихся условий, всячески стремились смягчить суровую действительность и в то же время выказать мне особенное внимание и уважение. Мне отвели лучшее место в теплушке, ближе к печи, принесли свежего сена, набили тюфяк, откуда-то появилось подобие подушки, вместо одеяла предложили свои тулупы. И все это делали абсолютно бескорыстно и тогда, когда мы, офицеры, были предметом общей злостной травли. Механически нас зачислили на довольствие, и в полдень мы уже ощутили столь знакомый и приятный запах наваристых казачьих щей и рассыпчатой каши с салом, принесенных в первую очередь нам. После трехдневной голодовки мы с жадностью набросились на еду, и этот обед тогда нам показался каким-то небывало вкусным и аппетитным. Бессонные ночи и общая усталость скоро взяли свое, и, пообедав, мы разлеглись на удобных нарах, где и проспали до позднего вечера.

Надо сказать, что своим благополучием и наличием удобств мы в значительной степени, конечно, были обязаны доброму гению, явившемуся нам в образе незнакомца. Из разговоров

с ним удалось выяснить, что он казак, служит в казачьем бюро в Киеве и часто ездит собирать сведения о казачьих эшелонах, способствует проталкиванию их вперед и вместе с тем помогает офицерам, пробирающимся на Дон, устраиваться в эти эшелоны.

Наслаждаясь отдыхом в теплушке, после мучительного переезда, мы охотно выслушали его рассказ, не высказав ни сомнения, не проявив особой любознательности. Мы чувствовали себя только обязанными этому человеку и радовались искренно, что все обошлось благополучно. Но прошло около 8 месяцев, и случай опять столкнул меня с ним, когда я уже был начальником штаба Донских Армий и начальником Войскового штаба Всевеликого Войска Донского.

Как-то осенью 1918 года начальник штаба северного фронта телеграфно донес мне, что на одном из боевых участков сторожевые посты захватили, по-видимому, большевистского шпиона, пытавшегося тайно проникнуть в район нашего расположения. Расправа с ним была бы коротка, если бы он не сослался на вас, говорилось в телеграмме, уверенно заявив, что вы его хорошо знаете и можете подтвердить его лояльность. Названная при этом фамилия арестованного мне ничего не говорила; ее, мне казалось, я слышал впервые. Принимая это за какой-то шантаж, я взялся за перо и уже хотел положить резолюцию «вымысел», как совершенно неожиданно меня что-то остановило. Инстинктивно подчинившись внутреннему голосу, я изменил первоначальное решение и сделал надпись: «Пойманного доставить в Новочеркасск, где разобрать дело и результат доложить мне».

Прошло дней 7—10. Луже забыл этот случай, как однажды мой адъютант подал мне довольно грязный конверт, адресованный лично мне. Думая, что это очередная анонимная угроза, открываю, читаю и никак не могу понять безграмотного послания. Слезные просьбы спасти жизнь сменялись в нем обещаниями мне всех благ в будущей жизни. Только упоминание ст. Знаменки и речь о комнате, предоставленной когда-то мне, дали наконец ключ к дальнейшему пониманию письма и позволили мне предполагать, что автор его не кто иной, как знакомая мне «таинственная личность». Оказалось, будучи доставлен в Новочеркасск, он сидел в тюрьме и ожидал своей участи. Заинтересовавшись его судьбой, я приказал привести его ко мне, и через час он был в штабе. Узнать его было очень трудно, настолько он изменился, осунулся, похудел, голова была забинтована, лицо в ссадинах и синяках. Плача, он поведал мне свои мытарства: задержался в Киеве и неоднократно пытался, но все неудачно, проникнуть на Дон в ст. Богаевскую, где живет его старуха мать и младший брат. В последний раз пробираясь тайно в родную Землю, прячась от большевиков, наткнулся на сторожевой пост. Казаки, приняв его за шпиона, избили до полусмерти и возможно, что и прикончили бы, если бы не подросший офицер. Последнему он клялся в своей невиновности и умолял сообщить начальнику штаба войска, который может удостоверить его личность и его непричастность к большевизму. Офицер сначала колебался, но затем доложил своему начальнику, и в конце концов история докатилась до Новочеркасска. Никаких прямых доказательств, уличавших его в шпионаже, не было, не было найдено никаких компрометирующих документов. В душе я сознавал, что стоявший передо мной наполовину больной человек когда-то оказал мне очень большую услугу и мой долг отплатить ему тем же. Сведения, данные им о матери и брате, проверенные срочно, оказались вполне правдоподобными. Удовлетворительный отзыв о нем дал и станичный атаман. Ввиду этого я, приказал дело о нем прекратить, его освободить, отправив домой в станицу в трехмесячный отпуск на лечение, по окончании которого зачислить в один из действующих полков. Что произошло с ним дальше, я не знаю, больше я его никогда не встречал.

Эшелон наш стоял, и никто не знал, когда мы поедем. На станции толпилась весьма разнообразная публика, из которой многие, видимо, уже несколько дней ожидали поезда.

Бродя по вокзалу, я обратил внимание на то, что большевистские агенты беспрестанно, открыто вели свою гнусную агитацию. Какие-то маленькие, по виду невзрачные люди, одетые в солдатские шинели, взбирались на столы, откуда по заученному шаблону произно-

сили дешевые, крикливые фразы революционного лексикона, восхваляя прелести советского режима и щедро расточая широковещательные обещания, разжигавшие у слушателей фантазию и аппетит.

Здесь же в первый раз я услышал отвратительную клевету и возмутительные обвинения по адресу Донского Атамана. С наглостью и бесстыдством большевистские ораторы выставляли его как ярого противника революции и свободы и как единственного виновника всех несчастий, испытываемых трудовым народом. Дикий вой одобрения достигал наивысшего напряжения, когда агитаторы касались шкурного вопроса, заявляя, что-де и вы сидите здесь и не можете ехать домой к вашим семьям, потому что контрреволюционер Каледин с кадетами преградил путь.

Так во мраке кровавого революционного хаоса наемные большевистские слуги исподволь мучили казаков и смущали казачью душу, обливая клеветой и возбуждая народную ненависть против единой яркой и светлой точки – ген. Каледина, светившейся как спасательный маяк в разбушевавшемся море человеческих страстей. Имена генералов Алексеева, Корнилова и других упоминались редко. Вся злоба человеческих низов и слепая ярость черни, искусно подогреваемая, направлялась против Донского Атамана.

К моему удовольствию, казаков в толпе было мало. Они держались своих эшелонов и вокзал посещали неохотно. Было только непонятно, что так называемая «украинская охрана» станции никак не реагировала на эти провокаторские выступления, даже наоборот, многие из нее одобрительно поддакивали, выражая этим свое сочувствие. При таких условиях можно было предполагать, особенно вспоминая ночную панику, что Знаменка доживает последние дни своей независимости от большевиков.

Кроме того, росло сознание, что дурман большевизма, как стихийная эпидемия, все более и более охватывает русский народ, заражая почти всех поголовно. Становилось и грустно, и мучительно больно за Россию. Кошмарным сном казалась ужасная действительность. Хотелось забыться, скрыться, ничего не знать, не слышать и не сознавать, что происходит вокруг.

В подавленном настроении я вернулся в теплушку. После ужина разговорился с казаками. Их своеобразное мировоззрение на происходящее в России несколько рассеяло мое тоскливое настроение. Разгильдяйство российское их не коснулось. Убеждений они остались твердых и события объясняли по-своему. Несчастье, выпавшее на Россию, считали наказанием, посланным Богом за грехи людей. «Сицилисты», делавшие, по их словам, революцию и вызвавшие беспорядок, были слуги антихриста, и к ним они питали жгучую ненависть.

«И чиго это, Вашескородие, люди еще хотят, – рассуждал один казак, степенно оглаживая свою окладистую бороду. – Жили хорошо, можно сказать, в довольстве, жили по закону Божьему и человеческому, и вот в один день все словно очумели. Бросили работу и ну только говорить да кричать. Пошел раз и я на этот, как его, на «митингу», думал, что будет, как у нас на станичном сходе, так, верите, не достоял до конца, противно стало. И чиго там только не кричали: Бога и Царя не надо, законы долой, отцов не слушай, начальству не повинуйся, этих самых буржуев режь и грабь, становись, значит, разбойником. Да вот поглядите на нашу молодежь, как она куролесит, не исполняет законы, грубит начальству, много пьет, и все ей проходит безнаказанно. Раньше, бывало, ох как попало бы от начальства, а теперь, значит, господа офицеры церемонятся да отворачиваются, делают вид, что не видят, а наших этим не обманешь. От этого зло еще хуже, а молодежь совсем зазналась. Прежде, бывало, молодой и при нас курить не смел, а нонче всякий щенок, когда с сотенным говорит, держит руки в карманах, сосет сигарку да еще зелье ему в лицо пускает. Пробовали мы сказать им, так куды там, знать нас не желают. А вся вина на начальстве: приказали бы нам сразу, поначалу, мы с ними бы по-отцовски разделались, и в пример и неповадно было бы другим. Мы што, тут потерпим, а уж дома-то расправимся и научим их уму-разуму. А только, как у нас дома, мы-то не знаем.

Может быть, и правда, что на Дону неладно. Люди болтают, что фронтовики и молодежь всем там заправляют, а Атамана не признают и не слушают. И вот нонче наши ребята слушали, как солдаты ругали Каледина и называли его врагом народа и казачества. Говорили, что придут на Дон, уничтожат Атамана и всех, кто с ним. Конечно, мы в дороге уже давно и не знаем, что и как у нас дома и что делает наш Атаман. Когда приедем, увидим. Коли на Дону хорошо, как раньше, и Атаман, значит, стоит за порядок, мы поддержим его и по-стариковски разделимся с ослушниками. Надо только строго наказывать молодежь, не давая ей спуска. Пусть и она послужит так, как мы служили прежде».

Так бесхитростно говорили старики, и каждое их слово невольно врезалось в душу. В уютной и теплой теплушке, при фантастическом освещении ярко накаленной печи, наша беседа затянулась до глубокой ночи.

Около полудня 11 января стало известно, что наш эшелон скоро отправляют далее. Действительно, в два часа дня, поезд тронулся. Ехали медленно, с большими остановками на станциях, иногда часами стояли в поле, ожидая открытия семафора, и только ночью 12-го прибыли на ст. Апостолово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.